

А.Ю. Казарян

АРХИТЕКТУРА АРМЕНИИ IV–VI ВЕКОВ И ОСОБЕННОСТИ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОСЕДНИХ СТРАНАХ¹

Предстоящая знаменательная дата – 1700-летие официального утверждения христианства в Армении – повышает интерес к изучению истоков армянской культуры христианского периода и особенностей формирования новых традиций национального искусства. Основным предметом обсуждений генетических корней и специфики армянского искусства чаще всего становится архитектура IV–VII веков, особый интерес к которой проявился в мировой медиевистике около столетия назад.

Традиционно этот раннесредневековый период рассматривался целно, что определялось непрерывностью развития армянской культуры с момента установления христианства в 301 г. до установления арабского господства в начале VIII столетия. Настоящая работа охватывает лишь IV–VI столетия (исключая последнее десятилетие VI в.), не столько из-за качественных отличий архитектуры этого времени от последующей (доминирование базиликальных и зальных продольно спланированных церквей), сколько из стремления раскрыть особенности армянского зодчества периода его формирования, которые вполне четко определимы в памятниках начала VII в. С последнего десятилетия VI в. несколько меняются ориентиры развития монументальной архитектуры Армении в связи с усилением культурной экспансии Константинополя и угасанием строительной активности в Сирии и на востоке Малой Азии. Выбранные хронологические рамки позволяют также плодотворнее рассмотреть армянское зодчество в контексте раннехристианской архитектурной традиции региона.

В количественном и качественном отношении культовые сооружения этого времени во много раз превосходят остальные сохранившиеся монументальные средневековые постройки, что ярко свидетельствует о сосредоточении активности в области церковного строительства. Учитывая это, логично связывать развитие зодчества Армении прежде всего с архитектурой стран христианского мира. Такому подходу, позволяющему раскрывать параллели, основываясь на иконографии архитектуры, и проявившемуся в разной степени в работах Т. Тораманяна, А. Грабара, Ж.М. Тьерри, Ю. Клайнбауэра и других исследователей, противопоставлено достаточно распространенное рассмотрение формирования христианской архитектуры Закавказья на основе местной традиции – будь то народной², совершенно справед-

¹ Работа является расширенным вариантом доклада, прочитанного в Ереване 15 сентября 1998 г. на международной конференции “Армения и Христианский Восток” и недавно опубликованного (*Казарян А. Архитектура Армении V–VI веков и раннехристианское зодчество Каппадокии, Киликии и Исаурии // Armenia and Christian Orient / Под ред. П.М. Мурадяна. Ереван, 2000. С. 239–265*). В октябре 1998 г. я выступил с подобной темой на заседании сектора Истории древнерусского искусства Государственного института искусствознания РФ. Хочу выразить свою благодарность сотрудникам сектора, а также проф. О.С. Поповой и А.М. Высоцкому за ценную критику и помощь в работе над настоящей статьей.

² *Агабабян Р.Я. Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ереван, 1950. С. 23, 72; Токарский Н.М. Церковная архитектура // Культура раннефеодалной Армении IV–VII вв. Ереван, 1980. С. 363–365; Асратян М.М. Очерк армянской архитектуры. М., 1985. С. 32. Параллелью этой позиции является мнение некоторых исследователей грузинской архитектуры, см., в частности: Чубинашвили Г.Н. Архитектура Кахетии. Текст. Тбилиси, 1959. С. 201–208.*

ливо отстраняемой А.М. Высоцким от главных путей развития монументального зодчества – детища профессиональной традиции³, либо языческой, которая, судя по некоторым оценкам, не всегда была связана с эллинистической⁴. Однако если остатки позднеэллинистической архитектуры сохранились (ярким примером является храм в Гарни), то о существовании параллельной ей профессиональной строительной традиции нет никаких вещественных доказательств⁵. Введенные недавно в научную литературу храмы-святыешища ширакаванского типа, считающиеся преобладающими вплоть до принятия христианства⁶, еще требуют обстоятельного изучения.

Однако своей композицией они отличаются от христианских церквей и, следовательно, не могли являться их непосредственными прототипами. Отнесение основы некоторых базиликальных церквей к языческим храмам, подразумевающее переориентацию алтаря, т.е. строительство нового алтаря на востоке во времена Григория Просветителя, не имеет реального археологического подтверждения. В то же время, в первых христианских храмах Константина Великого в Риме, Иерусалиме, Вифлееме алтарь находился в западной части постройки⁷, и надо предполагать такую же ориентацию алтарей в армянских церквях первой половины IV в. Поскольку же в Касахе, Ереруйке и других трехнефных базиликах алтари ориентированы на восток, то попытка их датировки ранее середины IV в. должна подтверждаться не только тезисом о пристройке восточной апсиды, но и данными о перестройке западной части сооружения.

Еще туманней выглядит вероятность генетической связи армянских церквей с культовыми постройками эпохи Ванского царства или Урарту⁸, как из-за колоссального временного разрыва между ними (не менее 1000 лет), так и из-за неясности причин и путей такого развития. Ведь само по себе существование квадратного в плане храма в Алтын-тепе не может служить доказательством его связи с купольным квадратом центральных христианских храмов.

Исторические сведения о существовании зороастрийского культа и храмов огня в Армении в IV–V вв. позволяют предполагать взаимосвязь их архитектуры с одновременными христианскими постройками. Поскольку зороастрийских храмов в Армении не сохранилось, их параллелью можно считать святилище в Дедополис Миндори в Картли, а прототипами – храмы Ирана. Возникает закономерный вопрос о роли сасанидской архитектурной традиции в Армении, важность которой отмечал еще К. Шнаазе⁹. Указывая на многосторонние связи армянской архитектуры с соседними традициями, Т. Тораманян подчеркивал особую роль

³ *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран: параллели в архитектуре в эпоху Сасанидов // *Искусство и археология Ирана.* М., 1976. 2. С. 41 и примеч. 35.

⁴ См., особенно: *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37–39.

⁵ *Арутюнян В.М.* История армянской архитектуры Ереван, 1992. С. 70 (на арм. яз.). Желание видеть некую мощную, специфически местную, дохристианскую традицию вне эллинистической культуры Армении приводило к достаточно вольному отнесению древних основ некоторых раннехристианских построек к языческим временам (*Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Ереван, 1942. Т. 1. С. 85, 130 (на арм. яз.); *Strzygowski J.* Die Baukunst der Armenier und Europa. Wien, 1918. Bd. 1. S. 140, 378; *Саян А.* Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955. С. 276 (на арм. яз.); *Кафадарян К.* Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952. С. 268 (на арм. яз.); *Paboudjian P., Alpayo-Novello A.* Egerouk // *Documenti di Architettura.* Milano, 1977. 9. P. 16, 56), недопустимость чего отмечали, в частности, Н.М. Токарский и А.М. Высоцкий (*Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV–XIV вв. Ереван, 1961. С. 72–73; *Высоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37. Примеч. 7).

⁶ *Тер-Мартirosов Ф.И.* Храмовое святилище Ширакавана и типология античных святилищ Великой Армении // IV МСАИ. Тезисы докладов. Ереван, 1985. С. 260–261.

⁷ *Комеч А.И.* Архитектура // *Культура Византии, IV – первая половина VII в. М., 1984. С. 576–577.*

⁸ *Ованнисян К.* Урартские корни древнеармянского купольного зодчества // II МСАИ. Отдельный оттиск доклада. Ереван, 1978.

⁹ *Schnaase K.* Geschichte der bildenden Kunst. Düsseldorf, 1844. Bd. 3. S. 258.

восточной архитектуры, от ассирийско-халдейской до позднесасанидской, в формировании местной специфики стиля и строительной техники¹⁰. По мнению Й. Стриговского, на основе иранского купольного квадрата сформировались основные типы центричных церквей Армении, ставшие в свою очередь прообразами купольных построек Византии и Европы¹¹. Если вторая часть этой глобальной концепции была опровергнута или поставлена под сомнение¹² и берется на вооружение исследователями для подтверждения проникновения на “запад” из Армении лишь отдельных центричных композиций¹³, то первая ее половина до сих пор не оценена критически¹⁴, а увеличившееся число параллелей между архитектурой стран Закавказья и Ирана в связи с новыми археологическими данными¹⁵ служит укреплению мнения о важнейшей роли сасанидских построек¹⁶. В результате вырабатываются суждения и подходы, неопределенность которых может объясняться только тем обстоятельством, что “путь формирования ранне-средневековой архитектуры стран Закавказья пока во многом, прежде всего в его отправном пункте, неустановим”¹⁷. Однако указание важности двух, а иногда и трех источников формирования армянской архитектуры без определения главного из них не служит, как мне представляется, прояснению сути и места ранне-средневекового армянского искусства и помогает созданию о нем двойственного впечатления, как о некоем смешанном, неопределенно-синкретическом явлении. Имея иное мнение, позволю себе прояснить некоторые вопросы, отметив прежде всего существенную разницу между армянскими и иранскими четырехстолпными храмами.

Уже в первых известных купольных церквях Армении – кафедрале Валаршапата (Эчмиадзин) IV–V вв., основательно отремонтированном в 480-х годах, и храме Текора 480-х годов, – подкупольная ячейка тесно объединена с остальным пространством построек прежде всего благодаря поставленным по осям сводам, т.е. благодаря осуществлению в них крестово-купольной системы, тогда как в иранских постройках купольный квадрат резко отделен от окружающего его сводчатого прохода¹⁸.

¹⁰ Тораманян Т. Материалы... С. 84–85.

¹¹ Strzygowski J. Die Baukunst...; *Idem*. Origin of Christian Church Art. Oxford, 1923. P. 59–61.

¹² Итальяское происхождение купола на квадрате отстает в кн.: Rivoira G.T. Moslem Architecture, its Origin and Development. N.Y., 1975. P. 225, 234–235; Ward-Perkins J.B. The Italian Element in Late Roman and Early Medieval Architecture // Medieval Architecture. N.Y.; L., 1976. P. 6, 15–18.

¹³ Dimítrókallís G. Contribution à l'étude des monuments Byzantins et médiévaux d'Italie. Athenes, 1971. P. 45; Мнацаканян С.Х. Крестовокупольные композиции Армении и Византии. Ереван, 1989. С. 135–137 и др.

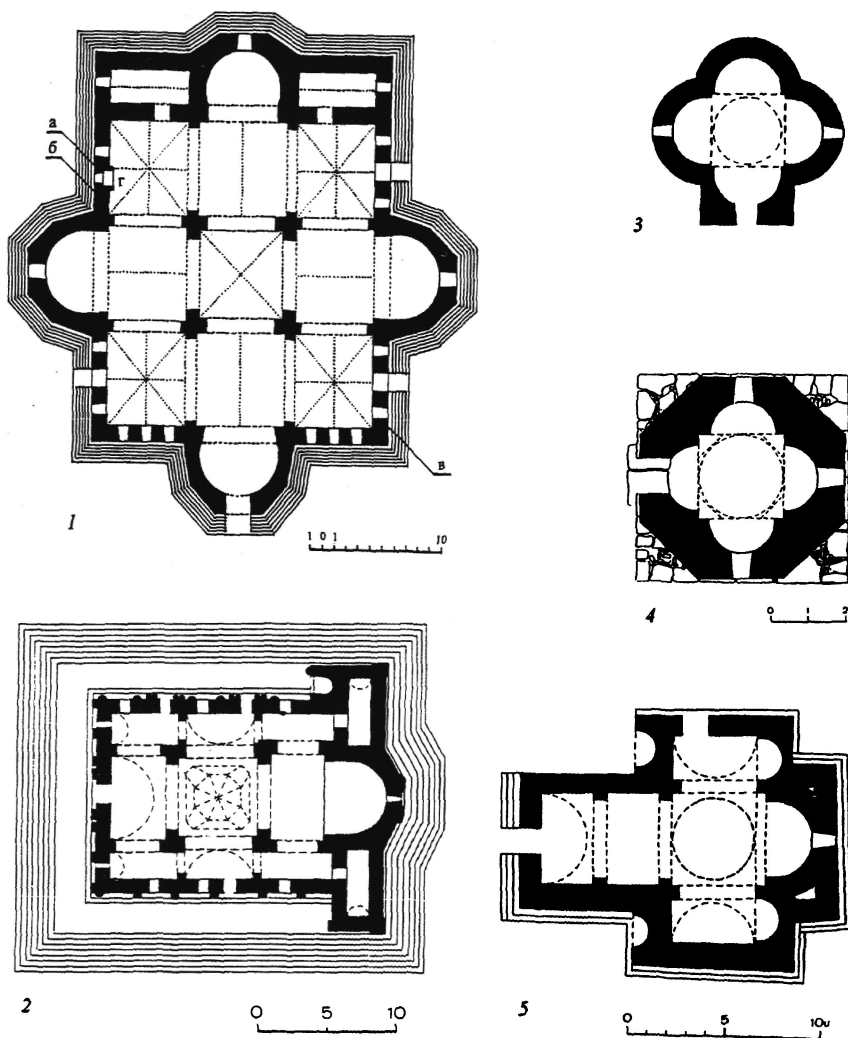
¹⁴ Лишь в некоторых работах формообразующая роль иранского купольного квадрата заменена квадратной ячейкой армянского жилого дома: Агабабян Р.Я. Указ. соч.

¹⁵ Особенно в связи с публикациями о постройках Центральной Азии (Маршак Б.И. Восточные аналогии зданиям типа вписанного креста. Пенджикент и Бамиан, V–VIII вв. // Probleme der Architektur des Orients. Naale (Saale), 1983. Bd. 26. S. 53–64) и с установлением того факта, что для сасанидских храмов наиболее характерным является структура в виде чахартака (четырёхстолпный купольный квадрат), окруженного обходом и ограниченного стенами постройки (Хуф Д. Сасанидский храм огня // Борбад и художественные традиции народов Центральной и Передней Азии: история и современность. Тезисы докладов и сообщений. Душанбе, 1990. С. 484–486; Huff D. Architecture sasanide // Splendeur des Sasanides. L'empire perse entre Rome et la Chine (224–642). Bruxelles, 1993. P. 53–56.

¹⁶ Оно отчетливо отразилось даже в работах сторонников предпочтительного изучения иконографии христианской архитектуры. А.М. Высоцкий считает, что “возникновение собора в Эчмиадзине и центрической купольных построек с четырьмя опорами в странах Закавказья можно считать обязанным Ирану и вызванным распространением вслед за зороастризмом храмов огня, хотя, если допустить преждее ранее широкое распространение в качестве христианских культовых построек их прототипов в Византии, близкие аналогии с Ираном могут быть объяснены древней традицией мемориальных построек-балдахин” (Высоцкий А.М. Страны Закавказья и Иран... С. 48; Thierry J.M. Les tetraconques à niches d'angle // Bazmaverp. Venise; St. Lazare, 1980. 1–4. P. 124–180).

¹⁷ Высоцкий А.М. Страны Закавказья и Иран... С. 37.

¹⁸ Там же. С. 48–49.

Таблица I. Планы центричных и купольных армянских построек IV – VII вв.: 1 – Эчмиадзин, реконструкция собора конца IV в.; а), б), в) – расположение древнейших рельефов; г) – ниша с купелью; 2 – церковь Св. Саргиса в Текоре, 80-е годы V в.; 3 – церковь Аствацацин в Црвизе; 4 – баптистерий (?) в Арзни; 5 – церковь Св. Мариам в Артике

Кроме того, такая центральная ячейка появилась в Армении не в виде отдельной формы и не в составе четырехстолпного сооружения с квадратным планом, а в качестве центральной ячейки достаточно сложной композиции с внешними стенами в виде квадрифолия (Эчмиадзин), что в большей мере ставит под сомнение ориентацию этих церквей на храмы зороастрийского культа¹⁹. Занимаясь поиском внешних аналогий композиции Текорского храма, нельзя не учесть существования памятни-

¹⁹ О. Ройтер видит возможность перенесения купольного квадрата в Армению из Ирана лишь при допущении последующего прибавления апсид по осям (*Reuther O. Sasanian Architecture. A History // A Survey of Persian Art from Prehistoric Times to the Present / Ed. by A.U. Pope. Tokio, 1964–1965. Vol. 2 (1-е изд.: L.; N.Y., 1938–1939). P. 557–558.*

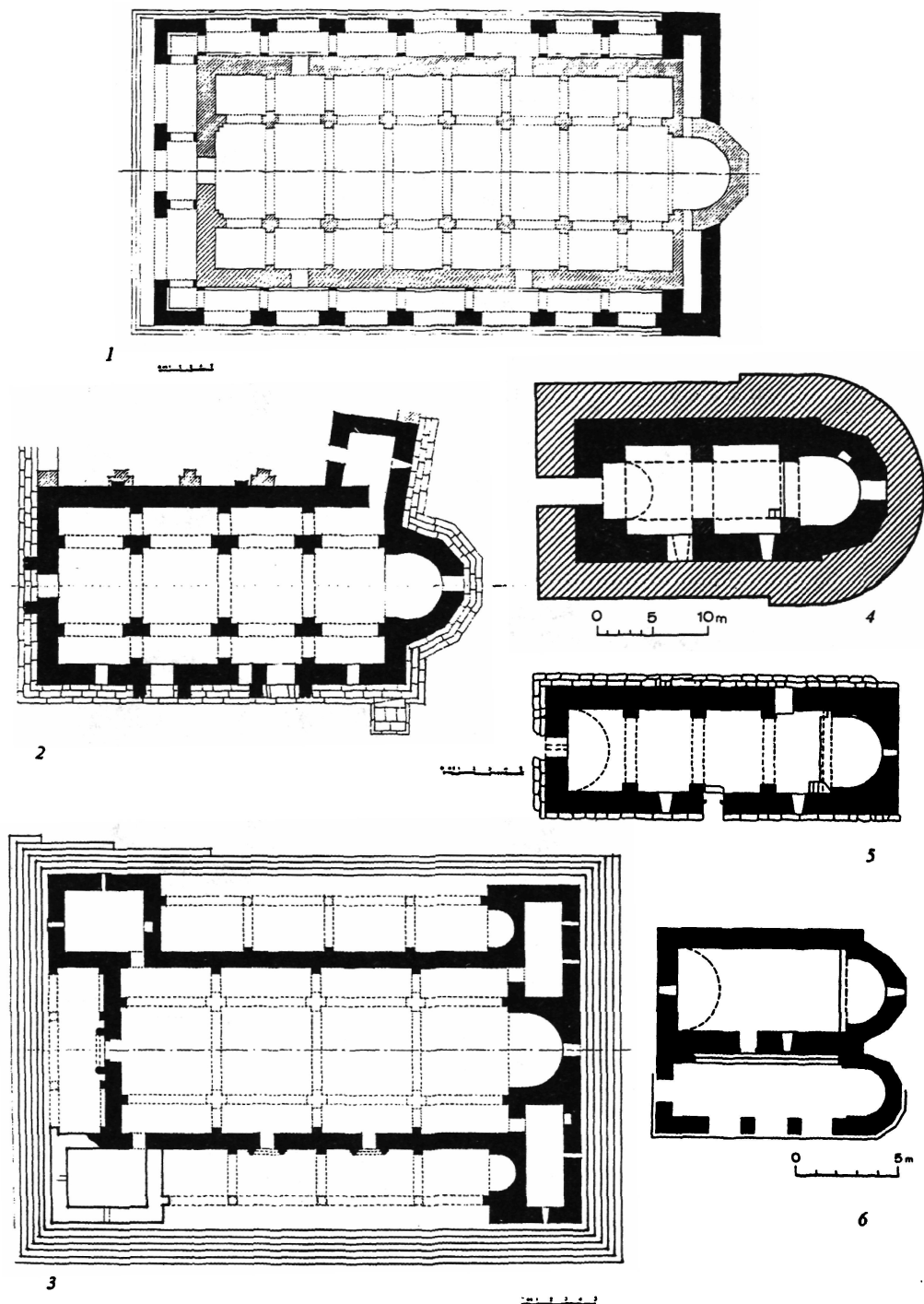
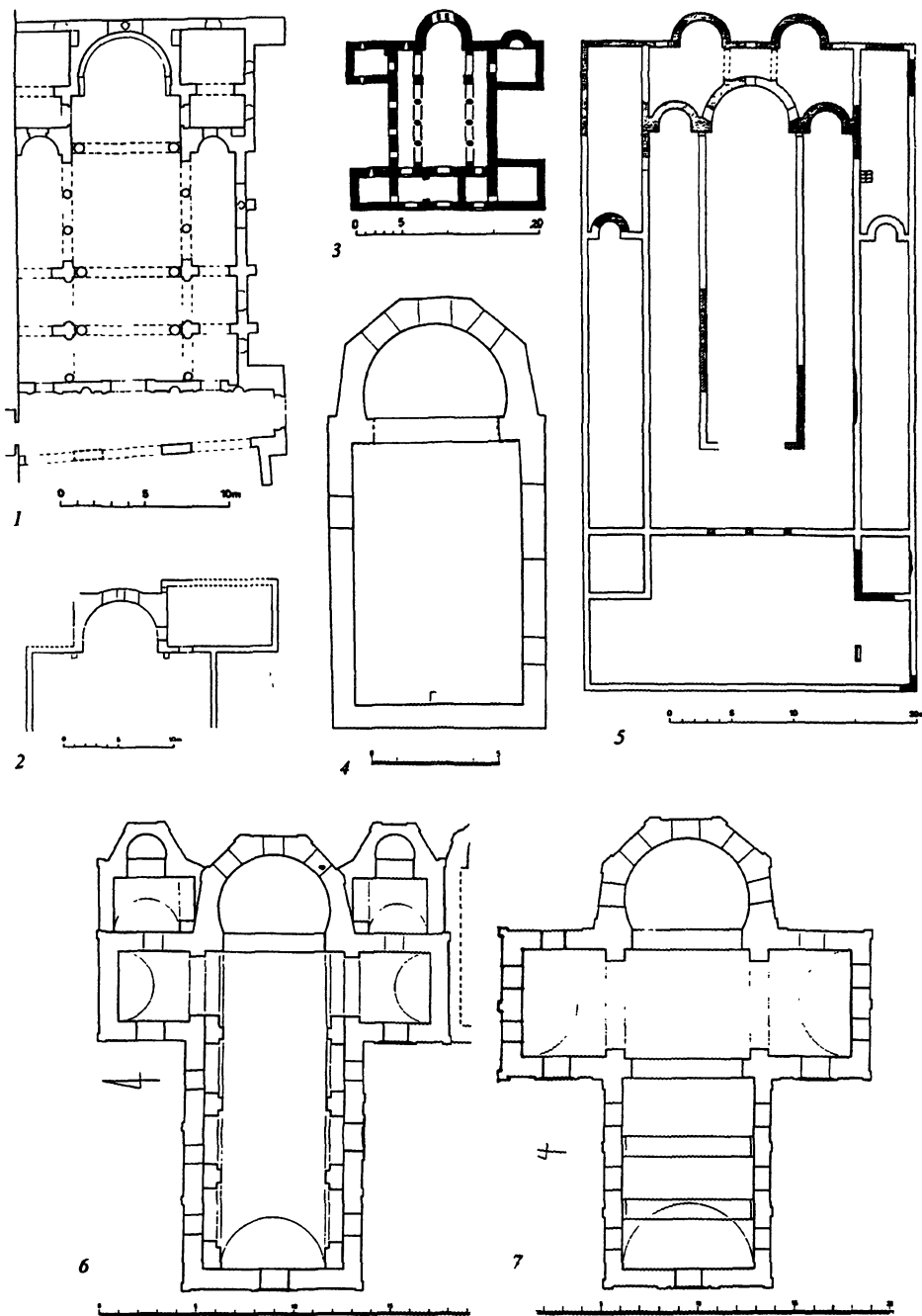

Таблица II. Планы базиликальных и однефных армянских построек IV–VI вв.: 1 – Двин, структура собора к середине V в.; 2 – Касахская базилика в Апаране; 3 – Еревуик (пос. Ани-Пемза); 4 – церковь Циранавор в Парпи; 5 – Лернакерг; 6 – Байбург

Таблица III. Планы раннехристианских построек Малой Азии: 1 – Алахан-монастырь (Исаврия), восточная церковь; 2 – Диокесария / Узунчабурдж (Киликия), восточная часть церкви в театре; 3 – базилика № 43 в Бинбир килисе; 4 – Едикапулу (Каппадокия); 5 – церковь extra muros Корикоса (Киликия); 6 – Церковь-матрией в Скупи (Каппадокия), 7 – Панагия в Томарзе (Каппадокия)

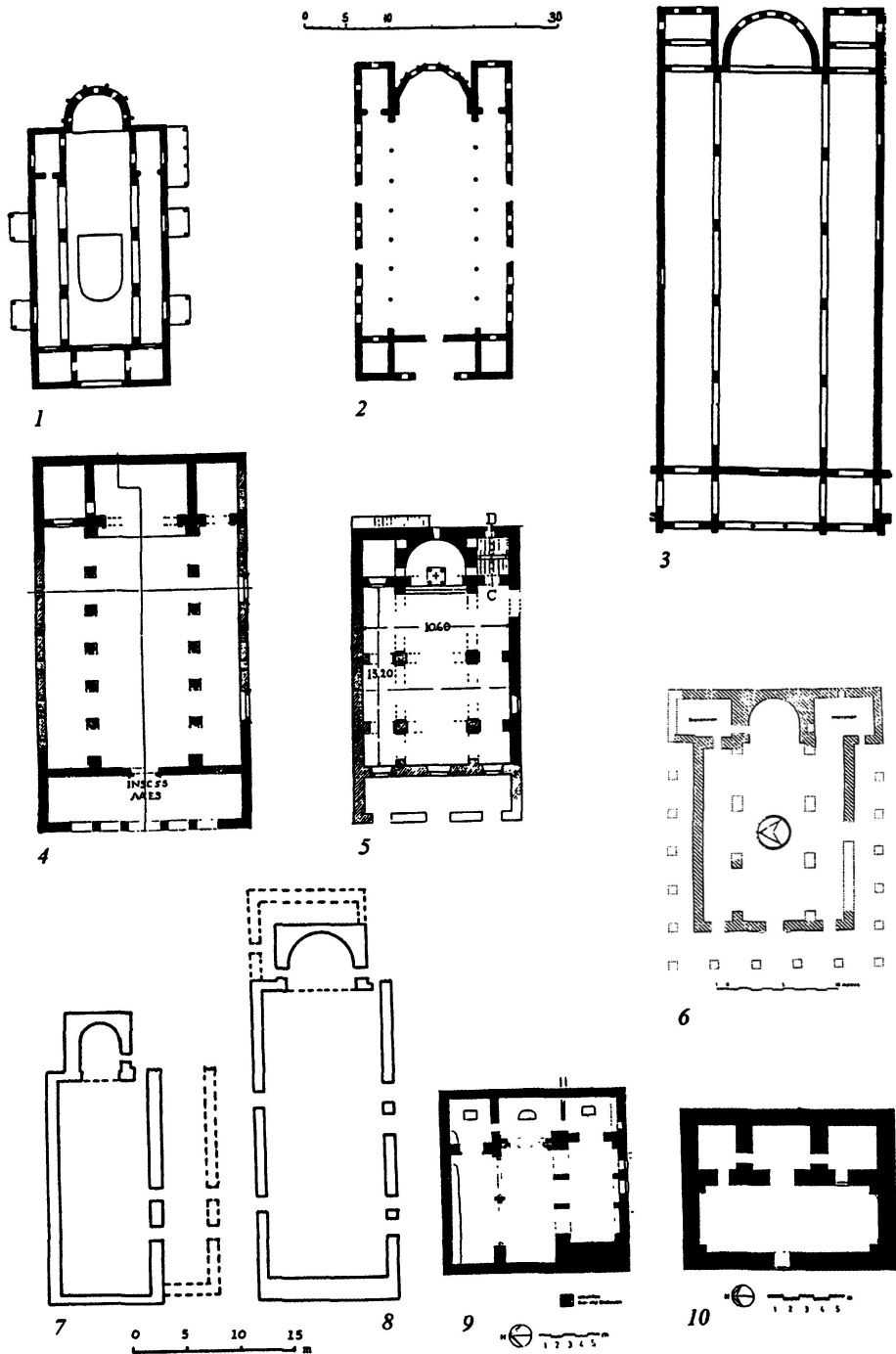

Таблица IV. Планы церквей Сирии (1–6) и Северной Месопотамии (7–10): 1 – Калб Лузе; 2 – Турманин; 3 – Керратин (505/6 г.); 4 – Бакирха (546 г.); 5 – ит-Туба (583 г.); 6 – Каср Серидж; 7 – Мар Филоксенос в Мидиате; 8 – Мар Сово в Хахе; 9 – Мар Кириакос в Даргеджите (Кербуран); 10 – Мар Габриел в Избираке

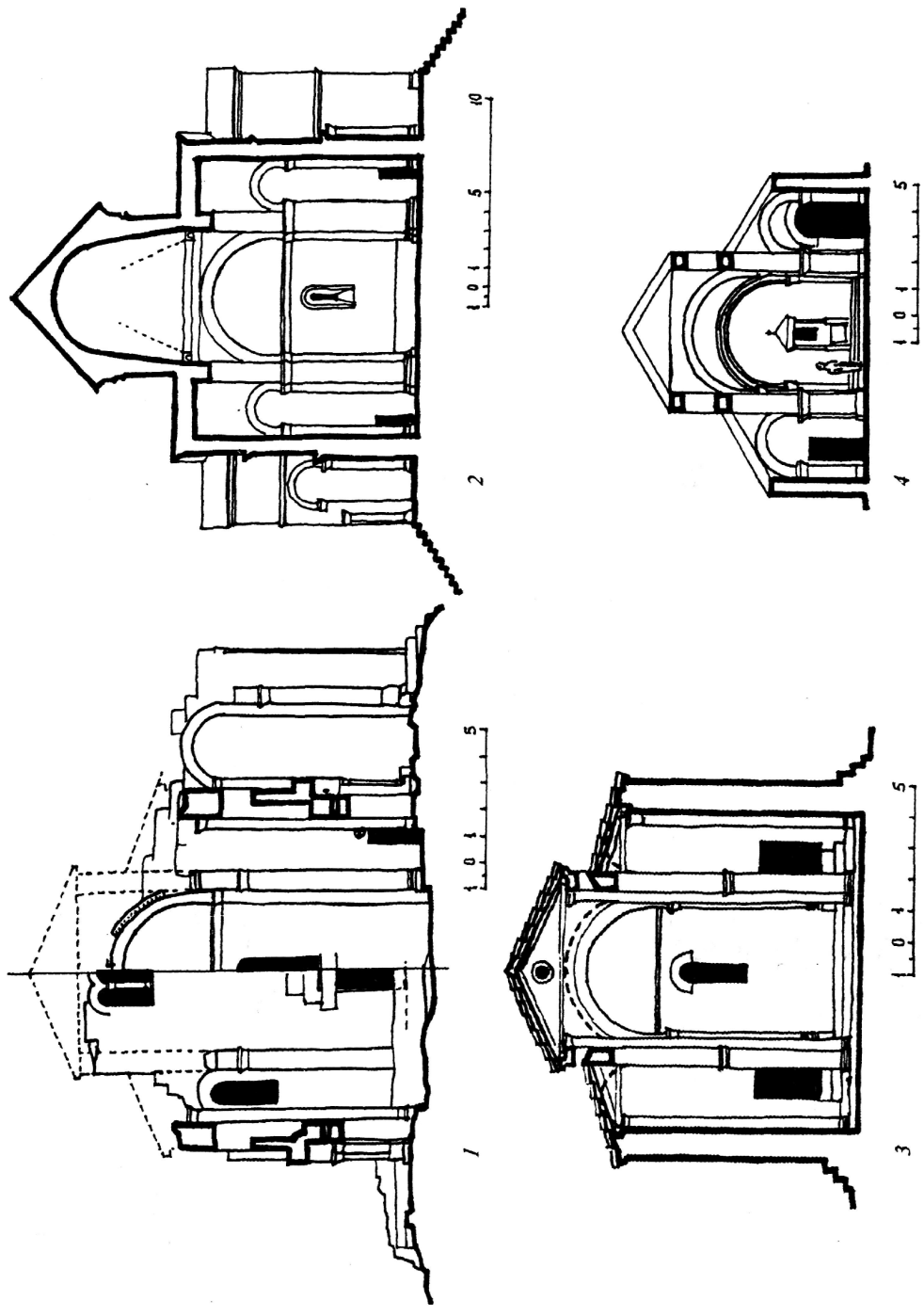
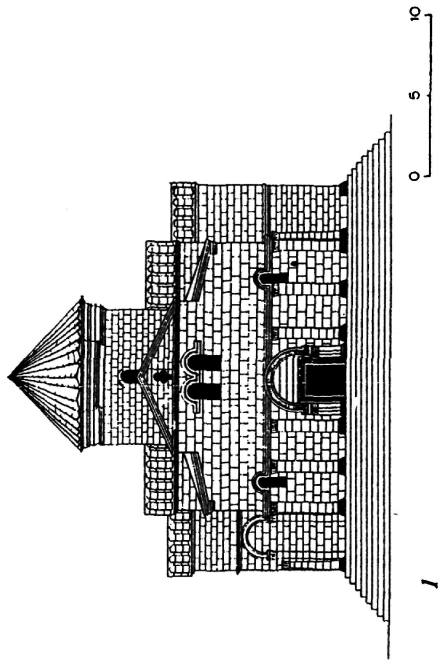
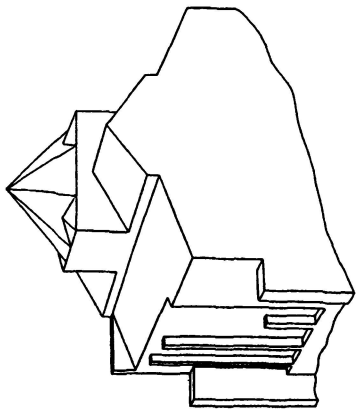

Таблица V. Поперечные разрезы церквей V-VI вв. Армении (1-3) и Сирии (4) с видом на алтарную апсиду: 1 - Еревуик; 2 - Текор; 3 - Циранавор в Ашгараке; 4 - ит-Туба

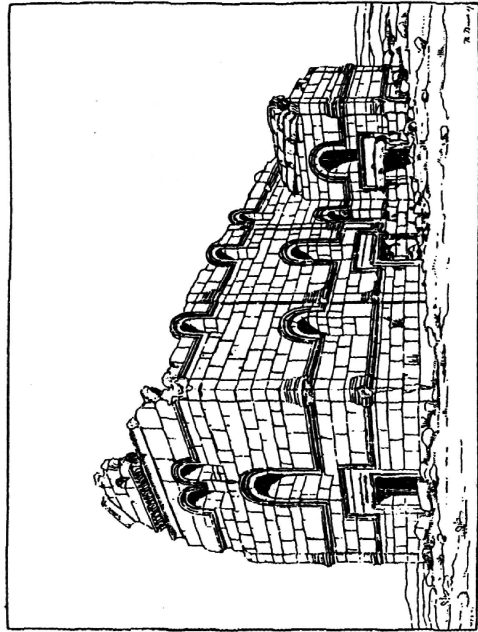

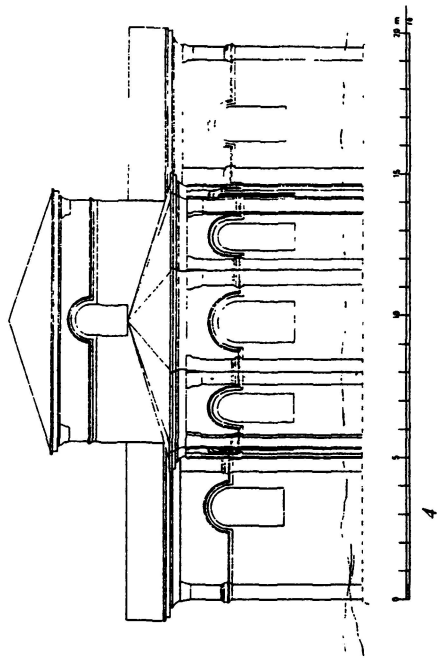
1

2

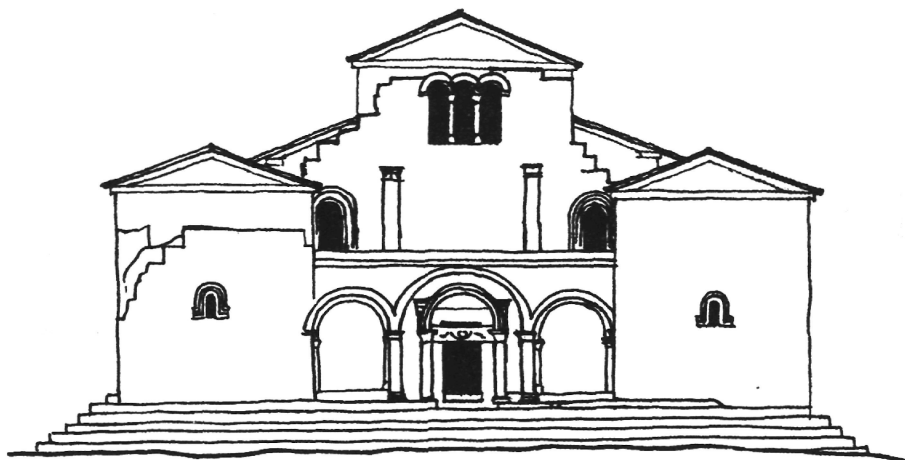

3

4

Таблица VI. Объемная композиция храмов Армении и Малой Азии второй половины V – начала VI в.: 1 – Текор, западный фасад; 3 – Алахан-монастырь, аксонометрическая реконструкция; 3 – Скупи, вид с юго-запада; 4 – Томарза, восточный фасад

1

2

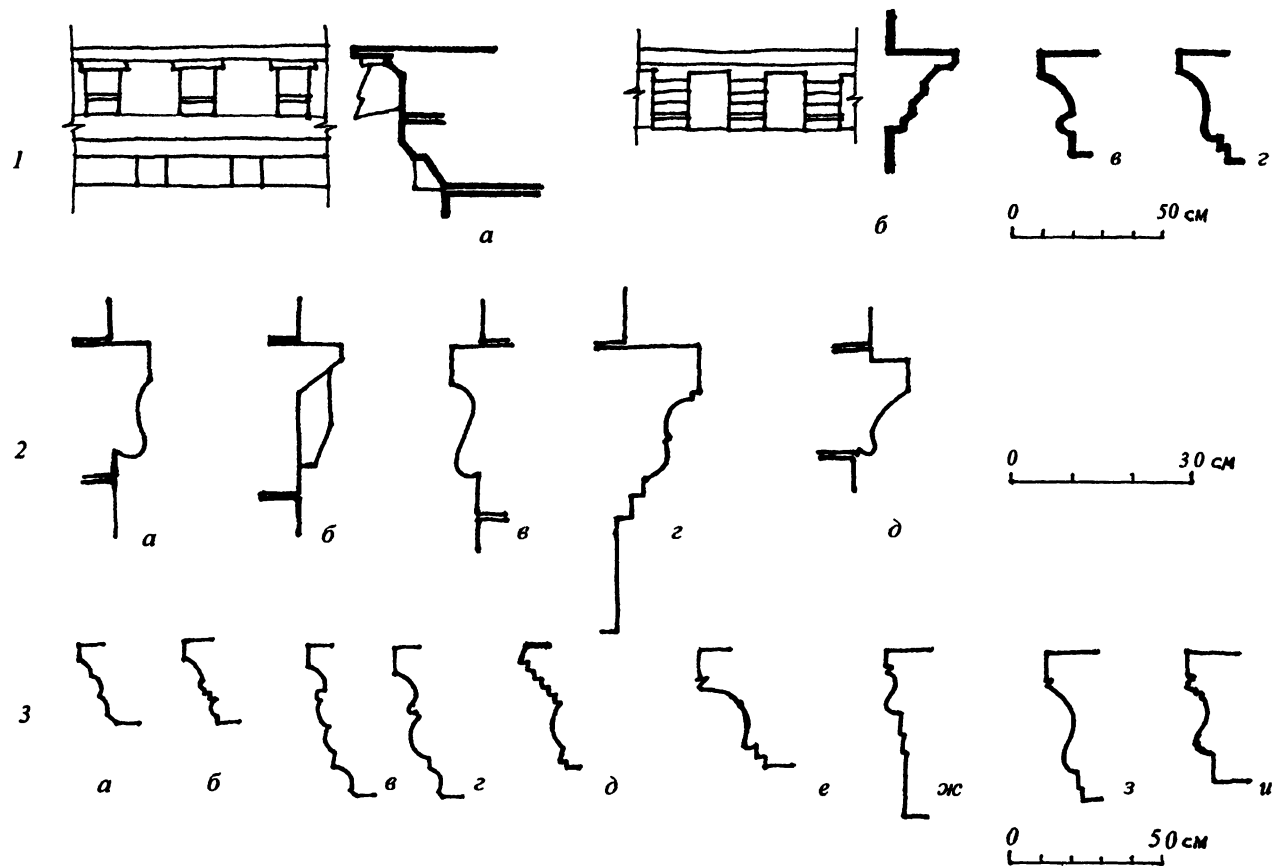
Таблица VII. Западные фасады Ереуыка (1) и Калб Лузе (2)

ка, гораздо более близкого, чем иранские образцы, – четырехколонного зала (претория или храма) в Мусмие (164–169)²⁰.

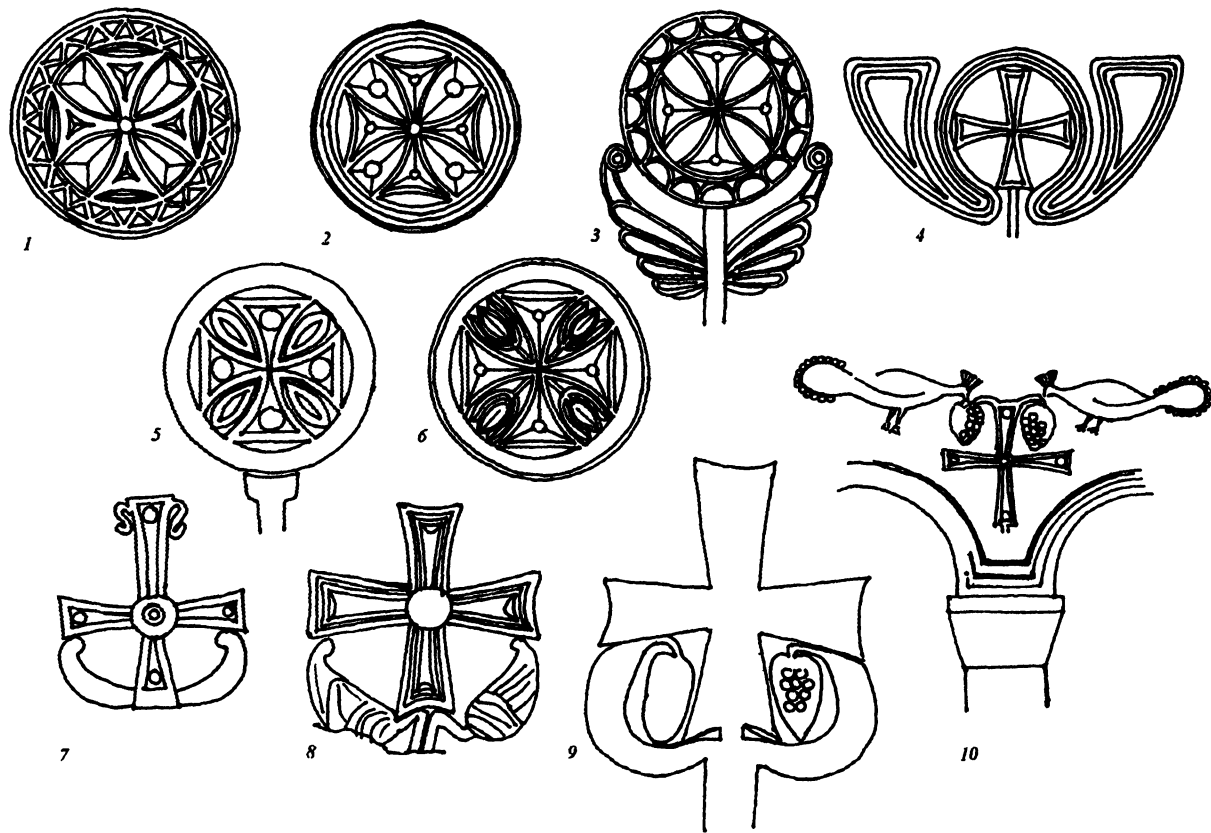
Нет абсолютного подобия и в формах центральных ячеек армянских и иранских купольных построек, обычно объединяемых наличием в обеих тромповой системы перехода от квадрата к основе купола, в отличие от характерной для Византии парусной. Однако такой принцип классификации не обоснован. В Текорском храме, судя по схеме обмера, имелся выгнутый сверху, яйцеобразный свод с маленькими тромпами в его нижних углах. Эта архитектурная форма была установлена на квадратное основание – карниз, проходящий по верху подкупольных арок²¹. Такая фор-

²⁰ Hill S. The "Praetorium" at Musmiye // DOP. 1975. N 29. P. 347–349. III. 1–6.

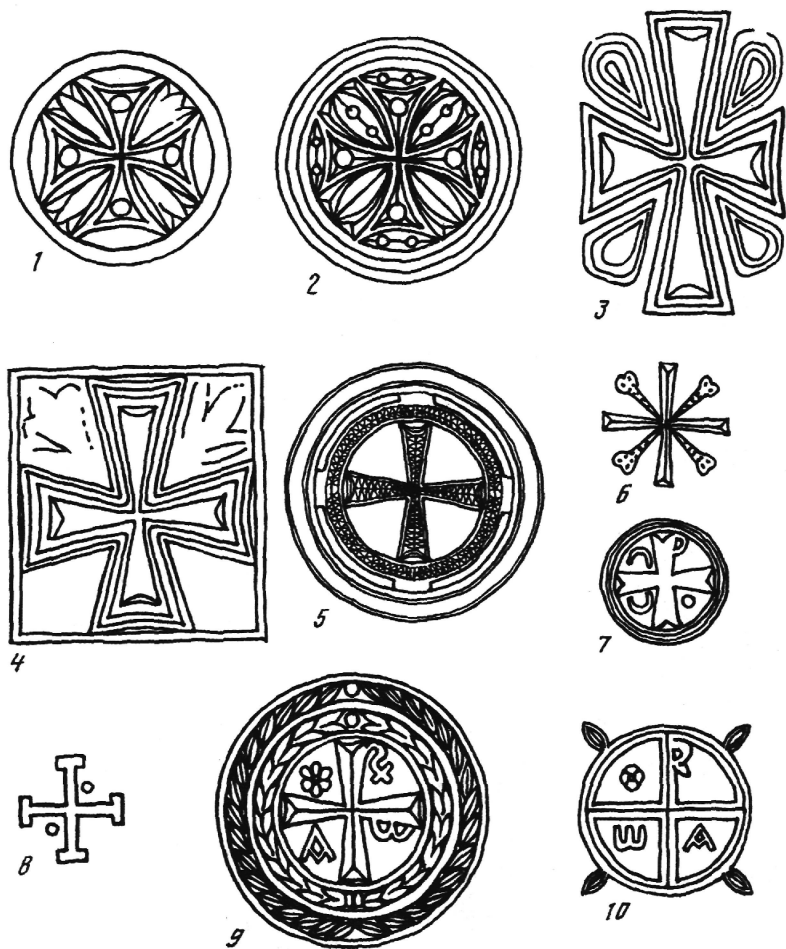
²¹ Чертеж схемы купола Текора см.: Тораманян Т. Материалы... Рис. 112, 117, 123. Камень с маленьким высеченным тромпом, обнаруженный при раскопках церкви Вохчаберда (датируется IV–V вв.), не может свидетельствовать о применении в этой постройке чисто тромпового перехода. Вариант реконструкции с постановкой купола – восьмигранной полусферы на неправильное восьмиугольное основание с короткими сторонами по диагоналям (Токарский Н.М. Джрвез II. Вохчаберд // Археологические раскопки в Армении. Ереван, 1964. № 11. С. 48–70; Он же. Архитектура Армении IV–XIV вв. С. 95) не имеет аналогов в Армении, да и в соседних странах. Наиболее вероятным представляется существование тут свода наподобие Текора или, скорее, тромпово-парусного перехода.

Таблица VIII. Профили карнизов построек V–VI вв. в: 1 – Армении: а) Цираначор в Аштараке; б) Лернакерт; в) баптистерий (?) в Арзни; подобный в соборе Эчмиадзин; г) Текор; подобные в Еревуке и соборе Эчмиадзин; 2 – Каппадокии: а) Анатепе; б) Чавдарлик; г) базилика в Кайсери; д) Зют килисе; 3 – Северной Месопотамии (а–д) и Северной Сирии (е–и): а), г) Мар Саба в Алаюрте; б) Мерсимекли; в) церковь Марии в Диркупе; д) Мар Абаи в Дереччи; е) Бакирха; ж) Турманин; з), и) Калат Семан

Таблица IX. Рельефные кресты армянских церквей V–VI вв.: 1, 2 – Ерурейк; 3, 6 – Цицернаванк; 4 – Аван (в Арагацотне); 5, 7, 8, 9 – Касах; 10 – Циранавор в Ашгараке

Таблица X. Рельефные кресты Каппадокии (1–4) и Северной Сирии (5–10) V–VI вв.: 1 – Берг-килисе в Гёреме; 2 – Панагия в Гёреме; 3 – Эски Андавал; 4 – Бузлук у Перзека; 5 – Калат Семан; 6 – Куканая; 7, 8 – Банкуса; 9 – Калб Лузе; 10 – Аршин

ма не имеет прямых аналогий ни в образцах Ирана, ни в раннехристианской архитектуре Средиземноморья, где наиболее распространенным был парусный свод²². Остается неизвестной конструкция каменных куполов исаверийских церквей Мериамлик и Даг Пазари (последняя четверть V в.)²³. Внешний облик второй из этих построек, сохранившей высокий кубообразный объем центрального квадрата, особенно близок с Текором. В ранних образцах Валаршапатского собора (до ремонта ок. 620 г.) присутствовало перекрытие в виде деревянного шатра²⁴, подобие которо-

²² Таковы, к примеру, перекрытия центральных ячеек в мавзолее Галлы Пластидии (424–450) и в первом юстиниановском соборе Софии в Константинополе (532–537) (*Michelis P.A. L'esthétique d'Haghia – Sophia // CCARB. 1963. X. Fig. 13–17.*)

²³ Археологически обосновано существование каменного перекрытия в Мериамлике (*Gough M. The Emperor Zeno and Some Cilician Churches // AS. 1972. XXII. P. 202; Herzfeld E., Guyer S. Meriamlik und Korikos // МАМА II. 1930. P. 61–62.*) О Даг Пазари см.: *Gough M. The Emperor Zeno... P. 204–205. Fig. 3–9; Hill S. Dag Pazarı and its Monuments. A Preliminary Report // Yayla. 1979. 2. P. 8–12.*

²⁴ О замене деревянного перекрытия собора на каменное сообщается в хронике VII в.: История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасяна. Ереван, 1939. С. 76.

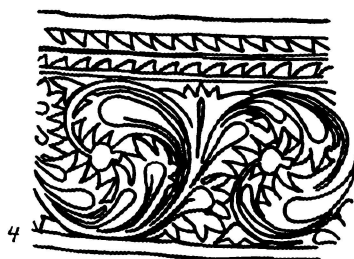
1

2

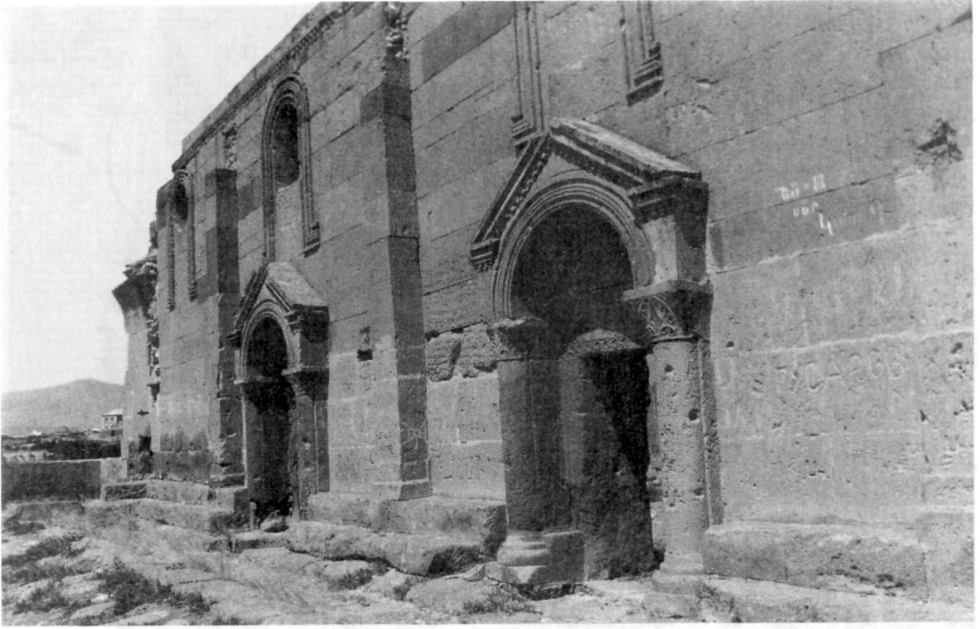

3

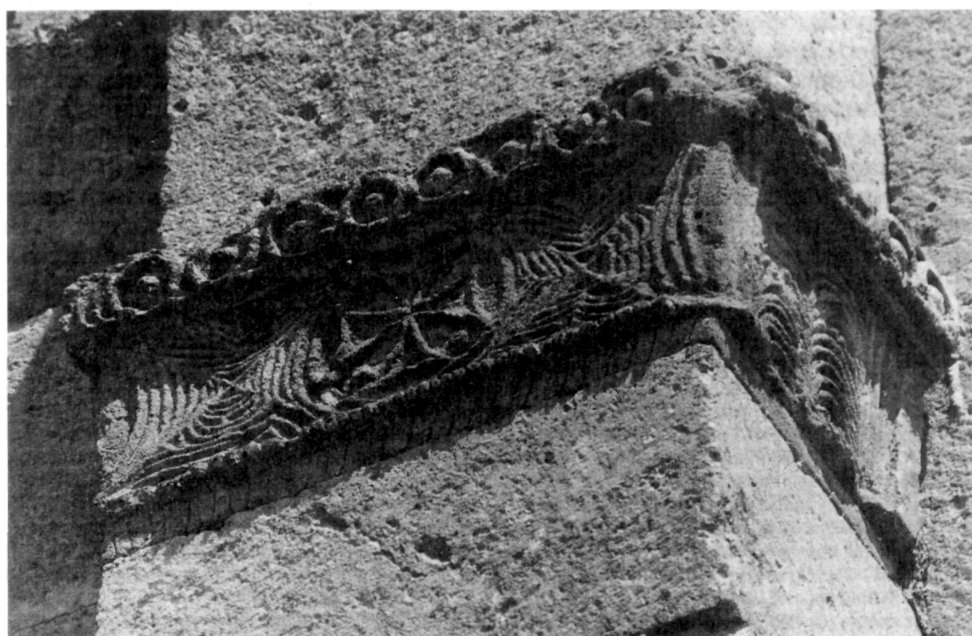

4

Таблица XI. Мотив аканфа на раннехристианских памятниках: 1 – Ереруйк, капитель поргала; 2 – Ягбашлар в Гонориасе (Малая Азия), капитель поргала; 3, 4 – Калат Семан, октагон, капитель X496 и фрагмент рельефа восточной базилики

Таблица XII. Вверху. Еревуик: порталы южного фасада. Внизу. Церковь Циранавор в Парпи. Фрагмент южной стены

Таблица XIII. Резные капители армянских храмов:верху – Касах; внизу – Еревуик

го, возможно, имелось в ряде раннехристианских построек, таких, как восточная церковь Алахан-монастыря (474–491) или церковь в Томарзе (ок. 500 г. или начала VI в.).²⁵ Если быть корректными в датировках некоторых армянских памятников²⁶ и руководствоваться лишь точно датированными образцами, то следует признать, что вначале строились купола на парусном переходе, причем в оригинальных арочно-парусном или тромпово-парусном вариантах (Аван, 590-е годы; Рипсима, 618 г.; Багаран, 624–631 гг.). Тромповая система перехода впервые появляется в храмах 630-х годов (Гаяне, Мрен, Аламан и др.). Более того, такие особенности армянских образцов, как наличие высокого светового барабана под куполом (в первых постройках с большим количеством окон), сближает их скорее с византийскими храмами VI в., имевшими кольцевой ряд окон по низу полусферы купола, чем с тяжелыми, почти глухими куполами иранских построек. Даже армянские образцы с тромпами резко отличаются от сасанидских прежде всего своими пропорциями²⁷. Отличается и техника кладки тромпов в обеих странах. Тот факт, что армянская кладка из клинообразных камней более соответствует конической форме тромпов (в Иране выкладывались горизонтальными рядами)²⁸, свидетельствует не только в пользу независимого использования этой формы в Армении, но и о возможной связи армянских зодчих с позднеантичной и раннехристианской традицией кладки сферических тромпов (конх) последовательными концентрическими арками²⁹. Создание первых армянских образцов с тромповой системой в 630-е годы, т.е. в период активизации халкидонитских кругов армянской церкви, пользовавшихся покровительством Византии, также ставит под сомнение возможность обращения зодчих к сасанидским образцам. Иные и соотношения пролета куполов армянских храмов к толщине стен купольных квадратов, в результате чего армянские купольные структуры выглядят несравненно более легкими³⁰.

Еще одно обстоятельство позволяет достаточно четко отрицать возможность непосредственного обращения армянских зодчих к архитектуре сасанидских храмов. Дело в том, что даже архитектура построек восточносирийской церкви, гораздо теснее связанной с реалиями существования в сасанидском государстве и часто пользовавшейся покровительством шахской власти (известны случаи, когда в V–VI вв. из среды епископов этой церкви назначался католикос в Армению), не испытывала на себе влияния четырехстолпных храмов огня. К тому же, при учете имеющихся аналогий армянским образцам сасанидского зодчества, с одной стороны (как выясняется – не очень близких), и раннехристианского мира, с другой, вправде

²⁵ Об отсутствии в Алахане каменного купола см.: *Gough M.* The Emperor Zeno... P. 203; *Idem.* Excavations at Alahan Monastery, Third Preliminary Report // AS. 1964. XIV. P. 186. О Панагии в Томарзе см.: *Hill S.* The Early Christian Church at Tomarza, Cappadocia. A Study Based on Photographs Taken in 1909 by Gertrude Bell // DOP. 1975. N 29. P. 149–164; *Restle M.* Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens // ТИВ. 1979. Bd. 3. S. 67–73, 170–171. Датировка Алахана временем императора Зенона по некоторым оценкам слишком ранняя (Op. cit. P. 170; *Krauthheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965. P. 177–179).

²⁶ Постройки с куполом на тропках, относимые к концу VI в. (Птгни, Гарнаовит), проявляют стилистическую близость с образцами архитектуры второй половины VII в., что подробно проанализировано в готовящейся к изданию моей статье о купольных залах Армении.

²⁷ *Anablin F.* The Squinch in Armenian Architecture in the Sixth and Seventh Centuries // REArm. 1984. 18. P. 503–513.

²⁸ *Strzygowski J.* Die Persische Trompenkuppel. Heidelberg, 1909. Abb. 6, 7; по непонятной причине О. Ройтер представляет технику сасанидских тромпов кладкой концентрическими арками (*Reuther O.* Sasanian Architecture... P. 500–503. P. 130–131, 152).

²⁹ Ближайшими к Армении образцами такой кладки тромпов являются конха центральной апсиды нимфея в Аммане (Филадельфия) в области Аммонитис Южной Сирии, II–IV вв. (*Butler H.C.* Ancient Architecture in Syria // Archaeological Expedition to Syria in 1904–1905. Division II. Pt. I. Leyden, 1907. P. 54–59. Fig. III37, III38), тромпы Кызыл килисе Сиврихисара в Каппадокии (*Restle M.* Studien... Abb. 123) и Алахан-монастыря.

³⁰ Особенно это ощутимо в храме Мастары: *Brechia Fratadocchi T.* La cattedrale di S. Giovanni a Mastara // CCARB. 1973. XX. P. 184–187.

ли мы рассматривать их равноценно, и возможно ли видеть в сасанидских храмах огня такой же источник вдохновения армянских зодчих, как в христианских памятниках Средиземноморья и генетически связанных с ними постройках поздней античности? Равнозначное отношение может выглядеть по крайней мере странным, если учитывать идеологическую общность Армении с христианским миром. Более того, Армения не только граничила и контактировала с разными областями этого мира, где главным образом на базе наследия античности развивалась христианская традиция, но и, являясь составной частью христианской ойкумены, обогащала эту культуру. Особенно целенно и пока слабо поддаваясь делению на нарождавшиеся региональные и национальные школы, христианская культура развивалась в IV–V вв. Поэтому маловероятным представляется версия о формировании зодчества одной из областей христианского мира под активным влиянием чуждой и, по крайней мере начиная со второй половины IV в., враждебно настроенной идеологии, каковой являлся иранский зороастризм, даже в случае тесных политических связей между территориями. Следовательно, имеющееся некоторое подобие между раннехристианскими армянскими центричными храмами и сасанидскими храмами огня не являлось результатом непосредственной взаимосвязи, но может восприниматься в качестве близкого локального проявления общности направлений развития римско-эллинистической и иранской архитектурных традиций.

Вторая, основная группа вопросов, отраженных в статье, связана с уточнением регионов христианского мира, культурные связи с которыми могли в наибольшей мере повлиять на становление новой архитектуры Армении. Развитие монументальной архитектуры всегда тесно связано с историей страны, политической и духовной жизнью общества. Эта зависимость ярко отразилась и на армянском средневековом зодчестве³¹. В дохристианской Армении, по крайней мере в дворцовом окружении Аршакидов, активно развивалась эллинистическая культура, свидетельством чему является, в частности, археологический материал первых трех веков нашей эры³². Античная религия Армении вобрала в себя многообразие и специфику древних верований Ближнего и Среднего Востока, но более всего имела родство с малоазийскими культами хеттов и фрако-фригийцев³³. Как известно из ранних хроник, официальный переход к новой религии в начале IV столетия произошел исключительно резко и, в отличие от пределов Римской империи, сопровождался военными столкновениями христиан с язычниками, массовым разрушением языческих святилищ и воздвижением на их месте крестов. После рукоположения св. Григория Просветителя в епископы в Кесарии каппадокийской последовало активное храмовое строительство: сперва в западных областях Армении, где была основана первая соборная церковь в Аштишате, а затем (после 314 г.) и в восточных преде-

³¹ См., в частности: *Асратян М.М.* Армянская архитектура и историко-географические и демографические факторы // ИФЖ. 1996. № 1–2. С. 169–178. Зависимость архитектуры от политического состояния страны отражена также в ст.: *Moeller L.K.* Architectural Style as an Expression of National Integrity // Terzo simposio internazionale di arte Armena. Atti. S. Lazzaro; Venice, 1984. P. 434–437).

³² *Тиранян Г.* Культура древней Армении. VI в. до н.э. – III в. н.э. (по археологическим данным). Ереван, 1988; *Тревер К.В.* Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н.э. – IV в. н.э.). М.; Л., 1953. Параллельно, возможно, существовала и культура, не имеющая связей с эллинистической (*Тер-Мартirosов Ф.* Храмовое святилище Ширакавана...). Как считает исследователь, “рассмотрение археологического материала показывает, что принятие христианства в Армении не было одномоментным актом, вызванным субъективными обстоятельствами, но было обусловлено длительным периодом (около 100 лет) развития страны в условиях кризиса античной культуры” (*Он же.* Преддверие христианства в Армении // Международная конференция “Армения и Христианский Восток”. Тезисы докладов. Ереван, 1998. С. 56–57).

³³ *Капанян Гр.* Хеттские боги у армян. Ереван, 1940. Основываясь на некоторых других исследованиях (новейшее из них: *Russell J.R.* Zoroastrianism in Armenia. L., 1987), возможно прийти к заключению о распространенности в Армении, на заре христианизации, зороастризма и о распространенности несохранившихся храмов огня (*Вьсоцкий А.М.* Страны Закавказья и Иран... С. 37–39). Не исключена вероятность гетерогенности армянских культов.

лах, в частности, в столице страны – Валаршапате (ныне Эчмиадзин). Несомненно, христианство проникало в Армению задолго до его официального триумфа. Тут проповедовали апостолы Фаддей (по Фавстосу Бюзанду) и Варфоломей (по Мовсесу Хоренаци), а христианские общины существовали уже во II–III вв. Возможно, правы исследователи, отдающие ведущую роль проповеднической деятельности сирийцев в это время³⁴. В целом выбор Григория Просветителя в качестве основателя официальной церковной организации в Армении и связь ее с каппадокийской церковью были вызваны, вероятно, не столько особой активностью малоазийских проповедников в стране³⁵, сколько политическими устремлениями и стратегией царя Трдата, основанной на его западной ориентации. Акт принятия христианства был не только революционным, отрицающим старую систему духовных ценностей, но, будучи одновременно вызванным соображениями обезопасить страну прежде всего от становящегося агрессивным сасанидского зороастризма, в некотором смысле являлся продолжением политики предшественников Трдата в их обращении к культурным и духовным ценностям греко-римского мира (что ощущалось даже в периоды соперничества с Римской империей)³⁶.

Эту особенность исторического выбора (а не только и, возможно, не столько значительность деятельности сирийских проповедников³⁷), а также географическое расположение Армении, способной непосредственно контактировать с несколькими цивилизациями Среднего Востока, следует учитывать при изучении истоков архитектуры первых армянских церквей, самые значительные из которых возводились при непосредственном участии царя Трдата и св. Григория³⁸. Последнее обстоятельство делает предпочтительной вероятность создания этих построек по образцам Каппадокии. В то же время, армянские церкви начала IV в. должны были иметь монументальный характер, чего нельзя сказать о культовых постройках малоазийских общин, не пользовавшихся официальным покровительством властей. Следовательно, именно в это время могло иметь место обращение к монументальным сооружениям дохристианских культов Армении (от эллинистических до зороастрийских).

С сожалением приходится констатировать отсутствие какого-либо точно датированного археологического материала той эпохи. Не сохранилось ни одного христианского культового сооружения первой половины IV в. как в Армении, так и в сопредельных областях Римской империи. Церкви Валаршапата неоднократно перестраивались, а ранние постройки Западной Армении археологически не изучены.

³⁴ Тер-Минасянц Е. Отношение армянской церкви к сирийским церквям. Эчмиадзин, 1908 (на арм. яз.).

³⁵ Роль греческого миссионерства, возможно, уступала сирийскому (там же. С. 17–31).

³⁶ История армянской церкви первых ее столетий была нестабильной и часто драматической. Наметившийся уже с самого начала конфликт между царской и церковной властями сопровождался враждой трех крупных епископских родов, претендующих на патриарший престол: потомков Просветителя; происходящих из местного жреческого рода – Альбианидов, и сирийской партии (Тер-Минасянц Е. Отношение Армянской церкви... С. 11 сл.; Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. 2-е изд. Ереван, 1971. С. 352 сл.; Мартиросян А. Маштоц. Ереван, 1988. С. 17 сл.) Соглашаясь с вероятностью версии Н. Адонца о связи восхождения Григоридов на патриарший престол с усилением политической ориентации на Рим (Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана), А. Мартиросян отметил и культурный аспект проблемы: «Склонность или, скажем, слабость Аршакидов к роду Просветителя была того же свойства, что и Арташесидов – к грекам. Только в первом случае она выражала христианство, а во втором – эллинизм, и последовательные пути эти привели к V в. – к национальному и культурному возрождению» (Мартиросян А. Маштоц. С. 24–25).

³⁷ Е. Тер-Минасянц изолирует деятельность представителей греческой церкви от процесса становления национальной традиции, полагая, что Армянская национальная партия была объединена с «представителями сирийского влияния» и при поддержке Ирана старалась оградить Армению от эллинистического воздействия, создавая независимую национальную церковную организацию (Тер-Минасянц Е. Отношение армянской церкви... С. 11–12).

³⁸ Агафангела история Армении (Агатангелай патмутюн Хайоц). Тифлис, 1909. С. 400, 424–425, 439 и др. (на арм. яз.).

Предположительно к IV в. относятся некоторые зальные церкви с выступающей, полукруглой снаружи апсидой³⁹, а также центричные постройки первого Валаршапатского (Эчмиадзинского) храма – по описанию балдахинообразного сооружения Агафангелом (V в.) – и церкви Шалата в Сюнике (306–353) – по описанию Степаноса Орбеляна (XIII в.)⁴⁰. Идея сооружения Валаршапатского храма в виде четырехколонного балдахина, поставленного в центре прямоугольного помещения, имеет корни как в позднеримской (Мусмийе), так и в иранской архитектуре, а в христианской культуре приобрела особый символический контекст, отразившийся и в описании храма Агафангелом. Мы не располагаем какими-либо материальными данными, свидетельствующими об ином облике этого храма. Полное отрицание идеи центричного здания, заложенной в его композицию, невозможно хотя бы потому, что центричными композициями были некоторые первые храмы и мартирии Константина Великого.

Единственным хорошо сохранившимся и точно датированным памятником IV столетия является усыпальница Аршакидов в Ахце (364 г.)⁴¹. Неоднократно отмечались сирийские аналоги этого сооружения: мавзолеи в Сухани⁴² и в Миджлейа⁴³. Указывая на их подобие, М.М. Асратян подчеркнул отличия армянской усыпальницы: она имеет апсиду с востока и является не подземным сооружением, а лишь слегка углублена в грунт⁴⁴. Мои наблюдения на месте позволили усомниться в первоначальности апсиды: она могла быть пристроена во время ремонта всего комплекса Ахца при возведении соседней с усыпальницей церкви. Аналогичная же в плане, причем наземная мемориальная постройка имеется в Каппадокии, в Вираншехире близ Инчесу⁴⁵, стилистически близкая другой римской усыпальнице в Шаре (Кирик килисе), датируемой серединой IV в.⁴⁶

Не исключено, что тяжелые десятилетия отстаивания независимости страны, яростная борьба внутри церкви, распри между армянскими царями и католикосами и трагический раздел страны стали причиной ограниченности монументального строительства в середине – второй половине IV в. Резким подъемом общественно-политической и культурной жизни страны характеризуется конец этого и начало следующего столетия, отмеченные единением царской и духовной властей, их совместной борьбой против иранской экспансии, как политической, так и религиозной. Это время активизации проповеднической деятельности, оно же ознаменовано актом создания армянской письменности. Символом эпохи и всей последующей истории Армении становится автор нового алфавита – Маштоц. В этот короткий период времени был сделан наиболее серьезный вклад в процесс национализации армянской церкви и культуры. В отличие от событий 372 г., когда по воле царя Папа армянский католикос не стал получать благословения на престол в Кесарии каппадокийской, новый этап национализации церкви не сопровождался конфронтацией с Империей и ее институтами. Наоборот, деятельность правящих кругов Армении

³⁹ Асратян М.М. Раннесредневековые зальные церкви с выступающей наружу апсидой // Научные сообщения Государственного музея искусства народов Востока. М., 1978. 10. С. 109–114.

⁴⁰ Hasratian M. La coupole dans l'architecture Arménienne aux IVe-Ve siècles // Atti del Quinto Simposio Internazionale di Arte Armena. Venezia; S. Lazzaro, 1992. P. 197–205, о церкви в Шалате: P. 198. Fig. 2 (реконструкция).

⁴¹ Токарский Н.М. Архитектура Армении... С. 73. Рис. 19а; Thierry J.M. Armenische Kunst. Freiburg, 1988. S. 63, 494. Abb. 570–571. Fig. 196.

⁴² Khatchatrian A. L'architecture Arménienne du IV au VI siècle. P., 1971. P. 93. Fig. 136; Токарский Н.М. Архитектура Армении... С. 73. Рис. 196.

⁴³ Khatchatrian A. L'architecture Arménienne... P. 93.

⁴⁴ Из доклада на конференции “Армения и Христианский Восток”, Ереван, 1998. Полуподземной первоначально была и усыпальница в Амарасе (Асратян М.М. Архитектурный комплекс Амараса (Амараси) чартарапетакан хамалире // Вестник общественных наук АН Арм. ССР. 1975. № 5. С. 44).

⁴⁵ Restle M. Studien... 2. Pl. 56–57.

⁴⁶ Restle M. Studien... 1. S. 171. 2. Pl. 54–55.

этого времени характеризуется ориентацией на “западные” ценности и поиском своих, национальных образов в рамках восточно-римской христианской культуры. Во главе этого процесса не оказалось ни представителей духовенства местного происхождения, которые “не смогли полностью расстаться со своим жреческим прошлым – им помешали в этом традиции и местничество”, ни сирийцев, которые играли значительную роль в жизни церкви, но которые “никогда не стали национальными [деятелями]: этого не дали им сделать консерватизм и тесная связь с родной сирийской церковью”⁴⁷. Процесс возглавил Саак Партев – потомок Григоридов – рода, носившего традиции греческой церкви и с конца IV в. согласовавшего свои интересы с национальной политикой Армении, создав под кровлей церкви национальную христианскую культуру⁴⁸. Создание армянской письменности Маштоцем в 405 г. явилось фундаментом развития новой армянской культуры. “Для создания своего алфавита Маштоц избрал греческий вариант письма [огласованное, пишется слева направо и раздельно], и порядок букв у него в чем-то совпадает с греческим... Армянская письменность – детище христианизированного эллинизма”, – заключает А. Мартиросян⁴⁹.

В этот период армянской истории становится ощутимыми связи не столько с Каппадокией, как с расположенными южнее ее малоазийскими и северомесопотамскими областями, а также с северосирийскими центрами. Ярким свидетельством такого сотрудничества служат маршруты поездок Маштоца и его учеников, заказы Маштоца самостатскому греческому каллиграфу Ропаносу (Руфину), графически оформившему буквы армянского алфавита⁵⁰, и Федору Мопсуэстскому, написавшему сочинение “О магии персов”⁵¹.

От этой эпохи также не сохранилось точно датированных построек. К концу IV в. относится восстановление Валаршапатского собора католикосом Сааком⁵². Вероятно, в результате этой работы храм приобрел нынешнюю композицию. Несмотря на то что древнейшие фрагменты стен и подкупольные столбы обоснованно относятся большинством исследователей к реконструкции 480-х годов, более древний археологический материал – особенно крестообразные базы под базами нынешних столбов, мозаичные кубики, скорее всего от настила пола, обнаруженные под всей площадью постройки, включая апсиды, а также два ряда кладки грубо обработанными блоками в основе стен V в. (были оценены А.А. Саиняном в качестве основания V в., но поскольку такая практика строительства неизвестна, можно предположить о принадлежности этих рядов более раннему времени) – позволяет выдвинуть гипотезу о раннем существовании структуры четырехстолпного центрального храма с внешним периметром в виде квадрифолия и поперечно вытянутыми пастофориями⁵³. Своей плановой композицией, сочетающей четырехстолпную

⁴⁷ Мартиросян А. Маштоц. С. 26, 27.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 75–107; см. также: Агаян Э.Б. Месроп Маштоц. Ереван, 1986. А. Мартиросян убедительно показал независимость акта создания нового алфавита и связь поездки Маштоца в Сирию с решением политической задачи – вероятным получением одобрения своей деятельности от епископов Эдессы и Амиды с целью повлиять на сирийцев в армянской церкви – противников введения богослужения на армянском языке.

⁵⁰ Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1981. С. 204–205; Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашьян К. Потомки Хайка. Ереван, 1998. С. 54–55.

⁵¹ Мартиросян А. Маштоц. С. 70–71, 86.

⁵² Собрание историографических писаний Самуэла Анийского (Самуэл Анецо авакмунк и гроц патматрац). Валаршапат, 1893. С. 267); Мнацаканян С.Х. Крестовокупольные композиции... С. 49 (считает эту перестройку значительной).

⁵³ О результатах археологических работ 50-х годов в Эчмиадзине см.: Саинян А. Новые данные об архитектуре Эчмиадзинского собора // XXV Международный конгресс востоковедов. Отдельный оттиск доклада. М., 1960; Sahinian A. Recherches scientifiques sous les voûtes de la cathédrale d'Échmiadzin // REArm. 1966. Т. 3. P. 67 ff; Khatchatrian A. L'architecture Arménienne... P. 67–100. Fig. 76–107. Большинство исследователей храма полагают, что ранее была иная структура этой постройки, в виде: 1) трехнефной ба-

структуру с широким квадрифолием внешней стены, Эчмиадзин примыкает к структурам большого семейства раннехристианских тетраконхов с обходом, первые известные образцы которых относятся к концу IV – началу V в. [Сан-Лоренцо в Милане, ок. 370 г.⁵⁴ (совпадение с Эчмиадзином не только формой квадрифолия и размерами его основы: 23,80 м в Милане и 22,55 м (длина) в Эчмиадзине, но и присутствием крестообразных столбов в углах внутреннего квадрата, как и угловых “башенок”); церковь в библиотеке Адриана в Афинах, ок. 400 г.⁵⁵, постройка в Акдегирмен-Хююк в Евфратесии, не позднее начала V в.]⁵⁶. Возможно, все эти постройки, как и Эчмиадзин, восходили своей иконографией к Золотому октаэдрону, Великой церкви Антиохии, основанной Константином Великим в 327 г. и освященной в 341 г., которую Ю. Клайнбауэр обоснованно реконструирует в виде двойного тетраконха и считает прообразом тетраконхов с обходом Сирии и Северной Месопотамии второй половины V–VI в.⁵⁷ Идея подобной реконструкции и возможность интерпретации ее средневековыми зодчими в виде плановой композиции Эчмиадзина II (ок. 400 г.)⁵⁸ подтверждаются изучением изображений центральных построек на мозаиках в Екто⁵⁹ и на куполе ротонды Св. Георгия в Салониках (ок. 400 г. или первой половины V в.)⁶⁰, а также курительницы из Сан-Мар-

зилики с тремя парами Т-образных столбов (Саинян А. Новые данные...; Он же. Первоначальный вид Эчмиадзинского собора // ИФЖ. 1966. № 3. С. 71–94); 2) такой же базилики, сокращенной в начале V в. до двух пар столбов (Мнацаканян С.Х. Крестовокупольные композиции... С. 38–58. Табл. 30); 3) центрально-купольного четырехстолпного сооружения с крестообразными столбами (соответствующими форме обнаруженных древнейших баз) (*Khatchatrian A. L'architecture Arménienne...*); 4) четырехстолпной центричной композиции с ограждающей стеной в виде широкого квадрифолия, т.е. повторяющей нынешнюю композицию собора, принятую считать произведением 480-х годов (Григорян В. Эчмиадзинский кафедрал // Вестник общественных наук АН Арм ССР. 1986. № 7. С. 77–85 (на арм. яз.)) Последняя версия наиболее соответствует совокупности фактического материала. Однако предложенная исследователем датировка древнейших крестообразных баз, других находок и этого варианта композиции эпохой Григория Просветителя не выглядит убедительной (Критику мнения В. Григоряна см.: Мнацаканян С.Х. Крестовокупольные композиции... С. 43–51). Вопросы анализа упомянутых и других работ (последняя: Халпахчян О.Х. Кафедральный собор Эчмиадзин в истории архитектуры Востока и Запада // АН. 1996. 40. С. 7–17), новой интерпретации археологического материала, реконструкции и генезиса композиции конца V в. будут подробно исследованы в готовящейся к изданию специальной статье.

⁵⁴ Krautheimer R. Early Christian... P. 55–57; Calderini A., Chierici G., Cecchelli C. La Basilica di S. Lorenzo Maggiore in Milano. Milano, 1951.

⁵⁵ Travles I. Athen // RBK 1963. Bd. I. S. 364 ff; Panayotova-Piguet D. Les tetraconques dans les Balkans et en Arménie aux Ve–VIIe siècles // Terzo imposing Internazionale di Arte Armena. Atti. S. Lazzaro; Venezia, 1984. P. 456. Fig. 12.

⁵⁶ Candemir H., Wagner J. Christliche Mosaiken in der Nordlichen Euphratesia // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Festschrift für F.K. Dörner. Leiden, 1978. Bd. 1. S. 206 ff. Textabb. 1 Abb. 1–11; Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G. Kommagene – Kilikien – Isaurien // RBK. 1984. Bd. IV. S. 194, 344–47. Abb. 68.

⁵⁷ Kleinbauer W.E. The Origin and Function of the Aisled Tetraconch Church in Syria and Northern Mesopotamia // DOP. 1973. N 27. P. 89–114, esp. P. 110–114.

⁵⁸ Впервые высказанное предположение (Казарян А. Отражение образа “Майр екедечи” (Матери-церкви) в композиции Эчмиадзинского храма // Восьмая республиканская научная конференция по армянскому искусству. Тезисы докладов. Ереван, 1997. С. 71–73) относилось к собору конца V в. Датировка композиции Эчмиадзина концом IV в. укрепляет историческую обоснованность выдвинутой версии о происхождении структуры храма.

⁵⁹ Dynes W. The First Christian Palace-church Type // Marsyas. 1962–1964. XI. P. 2–4; Levi D. Antioch Mosaic Pavements. Princeton, 1947. Vol. 1. P. 323–332. Vol. 2. III. LXXX и др. В отличие от установившегося мнения об идентификации изображения небольшой ротонды с “Золотой церковью” Антиохии, имеется гораздо больше оснований считать изображением этой постройки здание в левой части рассматриваемого фрагмента мозаичного бордюра, представляющего комплекс центральных сооружений Антиохии. Именно эта, наиболее масштабная постройка (интерпретируется Д. Леви в качестве образа одной из крупных сирийских базилик), обладающая сходством с изображениями на куполе ротонды Георгия и с условным разрезом “двойного” тетраконха типа Сан Лоренцо в Милане, могла, вероятно, представлять главную церковь Востока.

⁶⁰ Kleinbauer W.E. The Iconography and Date of the Mosaics of the Rotunda of Hagios Georgios, Thessaloniki // Viator. 1972. 3. P. 27–108.

ко в Венеции (XII в.)⁶¹ и штампа эфиопской просфоры⁶². Как антиохийская церковь и миланский храм, так и Эчмиадзин являлись дворцовыми храмами и важнейшими кафедралами и знаменовали собой концепцию единства светской и духовной властей. С другой стороны, древнейшие рельефы собора, представляющиеся одновременными раннему археологическому материалу и находящиеся ныне в кладке его северной стены, возможно датировать концом IV в. В них использован тот же символический числовой ряд, который присутствует в структуре композиции собора, а исходя из своего содержания, эти рельефы изначально принадлежали той же стене северного фасада и фланкировали окно над крещальной купелью. Примечательно, что эти рельефы содержат образы св. Феклы и апостола Павла, история и культ которых своим происхождением связаны с Антиохией и киликийским регионом, а стилистические особенности скульптуры роднят ее с исаврийско-килийскими образцами⁶³.

С 20-х годов V в. начинается упадок в жизни страны, сопровождаемый, с одной стороны, упразднением царской власти и иранским владычеством в восточной части Армении, а с другой – укреплением позиций сирийского духовенства. Отсутствие документальных данных о монументальном строительстве той эпохи в некотором смысле свидетельствует о пассивности в этой области.

В то же время, несмотря на главенство в армянской церкви консервативных течений, дело, начатое Маштоцем и Сааком Партевом, было продолжено их учениками, получившими высокое образование главным образом в греческих культурных центрах. С середины 450-х годов оформилось начало так называемой грекофильской школы армянской философии, выразившейся “...в научно-литературной ориентации на наследие греческой культуры, как мерила духовного развития и образованности” и не имевшей политического оттенка и конфессиональных рамок. Ей принадлежат и наиболее яркие страницы истории армянской философской мысли, и на основе именно этого направления формируется новая армянская культура⁶⁴. Приходится удивляться, что до сих пор не делалось попыток увидеть взаимосвязь между направленностью новой национальной философии и формированием раннесредневекового зодчества Армении. Между тем о существовании такой зависимости говорит не только логика связи архитектуры с общекультурными процессами, но и хронологическое совпадение этапов деятельности грекофильской школы с этапами развития армянского зодчества. Первый мощный взлет национальной армянской культуры приходится на 450–509 гг., связанные с героической борьбой за независимость и с созданием автономного управления в 484 г. Это время, определяемое “золотым веком” армянской культуры, озаменовано деятельностью Мовсеса Хоренаци, Елише, Лазара Парпеци, Давида Анахта (Непобедимого). Начало этого периода сопровождалось антииранскими восстаниями, нестабильностью ситуации в стране, и не могло оставить значительных следов в архитектуре, но он явился базой для расцвета культуры в 480–510-е годы – в период самоуправления в стране и активного строительства храмов. Концом 484 г. или началом 485 г. можно датировать основательный ремонт Валаршапатского собора правителем (вскоре – марзпаном) Армении Вааном Мамиконяном⁶⁵, а

⁶¹ *Grabar A. L'art de la fin de l'Antiquité. P., 1968. T. 1. P. 282–284, 427. Pl. 61, 62; Hahnloser H. Tesoro di San Marco. Florence. 1971. Vol. 2. N 109; Kalavrezou I. Luxury Objects // The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261 / Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixom. N.Y., 1997. А. Хачатрян выдвинул предположение о том, что эта курительница (или реликварий) являлась копией Эчмиадзина или Жерминьи де Пре (*Khatchatrian A. Sur l'architecture de l'église de Gemigny des-Prés // Cah. Arch. 1954. T. VII. P. 162. Fig. 2–5*).*

⁶² *Spritzing G. Lexikon byzantinische-christliche Symbole. München, 1989. S. 61.*

⁶³ *Казарян А. Древнейшие рельефы собора Эчмиадзин // Исторический вестник. 1999. 2. С. 130–152; 2000. 5. С. 183–198.*

⁶⁴ *Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973.*

⁶⁵ *Лазар Парпеци. История Армении. Послание Ваану Мамиконяну / Пер. и коммент. Б. Улубабяна. Ереван, 1982. С. 380–381 (на арм. яз.). Год начала работ совпадает со временем победного возвращения Ваана Мамиконяна в Айрарат летом 484 г. (История армянского народа. Т. 2 / Под ред. С.Т. Еремяна. Ереван, 1984. С. 200 (на арм. яз.).*

между 485 и 490 гг. – возведение купольного храма в Текоре⁶⁶. В последней четверти V или начале VI в. была воздвигнута Ереруйкская базилика⁶⁷, а также перестроены крупные базиликальные храмы в Аштараке и Касахе и построены многие однокупольные церкви⁶⁸, в 489 г. строятся усыпальница и церковь в Амарасе⁶⁹. Надо полагать, что строительство конца V – начала VI в. отличалось повышенным качеством и несравненно возросшей техникой, поскольку именно с этого времени до нас дошли относительно лучше сохранившиеся монументальные постройки. Архитектура этого периода послужила прочной основой эволюции местной традиции и национального художественного стиля. Основными факторами, стимулирующими процесс развития армянского зодчества, следует считать наличие в стране атмосферы духовного и интеллектуального подъема и благотворную для строительной деятельности ситуацию 484–509 гг., а вовсе не решения Двинского собора 506 г. и так называемый разрыв связей с византийской церковью, которым все чаще придается первостепенное значение⁷⁰. Созыв этого собора⁷¹ армянских, грузинских и албанских епископов и принятые на нем решения не только не ставили под сомнение отношения с византийской церковью, но и имели цель их упрочения принятием положений Энотикона, поддерживаемого императором Анастасием I⁷². В итоге и ярко развивающаяся армянская культура этого времени продолжала родственные связи с западным соседом⁷³.

Изучение архитектурных памятников V – первой половины VI столетия выявляет особо тесные связи с зодчеством сопредельных Армении малоазийских земель. Архитектура Киликии, Исаврии, Каппадокии и некоторых соседних им районов многими чертами отличается как от западных областей Малой Азии, так и от Северной и Северо-Восточной Сирии и Северо-Восточной Месопотамии. С зодчеством же Закавказья и, в частности, Армении того времени наблюдается такое сходство, которое позволяет объединить искусство этих двух крупных регионов в единое богатое явление восточно-христианской культурной традиции.

Еще на основе позднеантичной строительной техники в рассматриваемых областях началось формирование нового типа каменной кладки, совмещавшей преимущества бетонных и каменных конструкций и позволяющей значительно экономить средства и рабочее время⁷⁴. Витрувий описывает подобную кладку, являющуюся упрощенной разновидностью кладки “энплектон” и состоящую из трех слоев: двух лицевых и одного среднего, набитого щебнем на растворе⁷⁵. В армянской технике

⁶⁶ Датируется согласно строительной надписи. Уточнение датировки: *Высоцкий А.М.* Церковь в Текоре и ее строительная история // II МСАИ. Сборник докладов. Ереван, 1978. С. 43–50.

⁶⁷ *Мирр Н.Я.* Ереруйкская базилика. Армянский храм V–VI вв. в окрестностях Ани. Ереван, 1968. С. 24–28.

⁶⁸ Например, Циранавор в Парпи. К сожалению, ни одна из них не имеет документированной датировки.

⁶⁹ *Асратян М.М.* Архитектурный комплекс Амараса; *Он же.* Амарас. М., 1990.

⁷⁰ *Асратян М.М.* Армянская архитектура... С. 171; *Moeller L.K.* Architectural Style... P. 433 и др.

⁷¹ По предположению Н. Гарсоян, двух последовательных соборов, созданных католикосом Бабкеном I в 491 г. в Валаршапате и в 505/6 г. в Двине: *Garsolian N.G.* Was there a Council Val'ars'apat in 491 A.D.? // International Conference “Armenia and Christian Orient”. Thesis of Reports. Ереван, 1998. С. 62–63.

⁷² История армянского народа. Т. 2. С. 211; *Петросян Е.* История армянской церкви. Ахпатаванк, 1990. Ч. 1. С. 49–50 (на арм. яз.).

⁷³ Не оказались по началу особым препятствием для этих связей и решения Халкидонского собора. Подчинение его актами Кесарийской кафедры Константинополю – это стало главной причиной разногласий армянской церкви с константинопольской (*Адонц Н.* Армения в эпоху Юстиниана. С. 358–359) – предположительно могло оказаться причиной корректировки отношений с греческими областями в пользу преимущественного общения во второй половине V в. с киликийско-исаврийским регионом – единственным в Малой Азии, оставшимся под юрисдикцией Антиохии, а также укрепления связей с сирийской церковью.

⁷⁴ О строительной технике Армении и кладке, именуемой “мидис”, см.: *Тораманян Т.* Материалы... С. 134–141; *Халпахчян О.Х.* Строительные традиции народных мастеров Армении // АН. 1953. 3. С. 36–73; *Арутюнян В.М.* История армянской архитектуры. Ереван, 1992. С. 104–108 (на арм. яз.).

⁷⁵ *Витрувий.* Десять книг об архитектуре / Пер. Ф.А. Петровского. М., 1936. Кн. 2. 7. С. 51.

IV–VI вв., именуемой “мидис”, ощущается отражение как этого типа кладки, ставшего в последующих веках основным в Закавказье, так и приемов, относимых Витрувием к характеристике греческих мастеров и заключающихся в чередовании ложков с тычками и применении сквозных поперечных камней, “с обеих сторон входящих в облицовку”⁷⁶ (армянский пример – Ереурик).

Несмотря на наличие этих сведений, строительная техника средневековой Армении рассматривалась изолированно от римской традиции⁷⁷. На фоне слабой изученности строительной техники центральных и восточных областей Малой Азии армянская кладка выглядела исключительно уникальной, резко отличающейся от “византийской”, под которой имелось ввиду известная техника кирпичной или каменно-кирпичной кладки западного побережья Малой Азии, в наибольшей мере отразившаяся на константинопольском зодчестве. Армянская кладка казалась также близкой к сирийской, а наличие каменного строительства в этих двух странах представлялось доказательством их общности⁷⁸. Однако имеется принципиальная разница между двумя подходами к каменной кладке: 1) с известково-песчаной заливкой посреди толщи стены в Армении и 2) сухой кладкой Сирии, восходящей к более ранней эллинистической традиции. Разница отражается и на конструктивных особенностях построек. Первая, имея цельную для всего сооружения бетонную прослойку, предоставляет расширенные возможности при возведении сложных пространственных структур со сводами, столь характерных для раннесредневековой Армении, но не встречаемых в Северной Сирии, где традиционными являются деревянные перекрытия⁷⁹. Учитывая опубликованный за последние десятилетия богатый фактический материал по памятникам восточных и юго-восточных провинций Малой Азии, следует критически отнестись к традиции противопоставления строительной техники Закавказья и Византии. М. Рестле выделяет большой регион граничащих с Арменией на юго-западе земель с подобной или близкой каменно-бетонной кладкой и указывает на необходимость совместного изучения строительной техники Армении, Грузии и Каппадокии⁸⁰. Примечательно, что если в Каппадокии доминирует кладка из крупных чистотесанных блоков, то в Киликии и Исаврии, как и в Армении, наряду с этим типом кладки использовалась и смешанная, сочетающая элементы чистой тески с фрагментами стен из более мелкого грубо обработанного камня. Близость строительной техники следует считать фактором сотрудничества мастеров отмеченных областей, а с другой стороны, отсутствие в Закавказье памятников с сухой кладкой служит отрицанию предполагавшейся ранее активной деятельности в стране сирийских мастеров⁸¹, как и, впрочем, подобной деятельности армян в Сирии.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ В.М. Арутюнян видит отличие кладки “мидис” от римской в более активной роли камня (*Арутюнян В.М. История...* С. 105). Однако это заключение вызвано плохим пониманием римской техники, сводимой автором к созданию сплошных известково-бетонных стен с облицовкой их камнем или кирпичом. В реальности римская техника была разнообразнее, ее облицовка обычно выкладывалась заранее, составляя опалубку для заливки поверх внутренних слоев колотого камня (*Шуази О. Строительное искусство древних римлян / Пер. А.А. Сапожниковой и В.Н. Калиш. М., 1938. С. 16–23*).

⁷⁸ См., в частности: *Якобсон А.Л. Армения и Сирия. Архитектурные сопоставления // ВВ. 1976. Т. 37. С. 193. Р. Краутхаймер считал это совпадением провинциального развития римской кладки (Krautheimer R. Early Christian... P. 229).*

⁷⁹ На эту разницу, как на отражение своеобразия армянской архитектуры, указывал, в частности, А.Л. Якобсон: “Конечно, принципиальное различие между сводчатыми армянскими базиликами и сирийскими трехнефными базиликами с деревянным покрытием... слишком велико, чтобы ставить рядом те и другие, но все же следует признать, что армянские зодчие – строители сводчатых базилик – вырабатывали их формы, исходя из архитектуры Сирии, восприняв оттуда самую планировку базилик” (*Якобсон А.Л. Армения и Сирия... С. 200*).

⁸⁰ *Restle M. Studien... 1. S. 137–141.* Такая же техника встречается и в других регионах Византии, в частности, Гауране. Подобной кладкой выложены стены мартырии Св. Евфимии в Константинополе.

⁸¹ *Якобсон А.Л. Армения и Сирия... С. 194.* Это распространенное мнение в последнее время находит место и в научно-популярной литературе (*Бусева-Давыдова И. Искусство стран византийского круга. Армения // Энциклопедия для детей. М., 1997. Т. 7. С. 214–216*).

Близость армянской архитектуры с восточно-малоазийской отразилась и на композиционных особенностях храмов IV–VI вв. Эта точка зрения, наиболее отчетливо выраженная Р. Краутхаймером в кратком разделе об Армении его известной монографии⁸² и частично отраженная в работах Н.Я. Марра, требует развития, расстановки акцентов и претендует на превращение в новую перспективную концепцию о развитии раннесредневековой архитектуры на христианском Востоке⁸³. До недавнего времени господствовало мнение об устойчивых связях армянского зодчества с сирийским, что обосновывалось специфической трактовкой церковной истории и анализом отдельных армянских построек на неполноценном фоне восточнохристианского искусства (в отличие от хорошо изученной в начале века Сирии и части Месопотамии, зодчество многих областей Малой Азии оставалось не раскрытым). Исключительно характерно в этом смысле одно из высказываний Н.Я. Марра: “Первоначально [до конца VI в. – А.К.]... христианство в Восточной Армении органически было связано с Сирией, откуда с духовным содержанием церковности притекали, надо полагать, воплощающие его нормы христианского зодчества”⁸⁴. Кроме того, А.М. Высоцкий, указывая на часто искаженное представление, связанное с обозначением арамеев этнонимом “сирийцы”, особо выделяет арамейское (северомесопотамское) влияние на раннесредневековую архитектуру стран Закавказья⁸⁵. Однако в последнее время как на уровне исследования А. Тер-Минасян церковью зального типа, так и в монографии Ш. Тер-Геворгияна, отмечено имевшееся в литературе преувеличение роли сирийского зодчества и подчеркнута важность каппадокийской традиции в сложении армянской архитектуры⁸⁶. Поэтому только совместный анализ армянского, восточно-малоазийского и сирийского зодчества середины V – середины VI в. позволит составить более объективное мнение об особенностях архитектурных связей в регионе.

Сравнительный анализ архитектуры исследуемых областей сопровождается затруднениями, связанными с ограниченностью фактического материала и относи-

⁸² Krautheimer R. Early Christian... P. 129.

⁸³ Правда, указывая на явные малоазийские параллели, исследователь считал приводимые образцы, в частности, исаврийский храм Ходжа Калеси или восточную церковь Алахан-монастыря, родственной сирийским храмам и в итоге делал заключения о главенстве сирийских истоков армянской традиции (Марр Н.Я. Ереву́йская базилика... С. 32–33). Для А.Л. Якобсона также культурные или архитектурные связи Армении с Малой Азии служат дополнительным аргументом в пользу сирийского влияния (Якобсон А.Л. Армения и Сирия... С. 193–194, 200).

⁸⁴ Марр Н.Я. Ереву́йская базилика... С. 29–30. Ярким выражением того же мнения являются следующие высказывания: “Подобно тому, как письменность и первые литературные произведения были внесены в Армению первыми проповедниками христианства на Востоке – сирийцами и местными деятелями сиропфилами, так и первые архитектурные памятники носят чисто сирийский характер с выходящими иногда и местными ирано-сасанидскими чертами (особенно в орнаментации). Безусловно следует отказаться от мысли, что первыми насадителями христианского зодчества в Армении были византийцы”. (Орбели И.Я. Армянское искусство // Новый энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1911. Т. 3. С. 665); “Всеобщее распространение христианства, пришедшего в Армению и Грузию из соседней Сирии, вызвало интенсивное строительство храмов” (Якобсон А.Л. Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // СА. 1970. № 4. С. 42; см. также: Он же. Армения и Сирия... С. 193–194, 206).

⁸⁵ Высоцкий А.М. Страны Закавказья и Иран... С. 40. Об архитектуре византийской и иранской частей Северной Месопотамии см.: Hellenkemper H. Kirchen und Klöster in der Nördlichen Euphratesia // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Festschrift für F.K. Dörner. Leiden, 1978. Bd. 1. S. 389–414; Wiefner G. Nordmesopotamische Ruinenstätten // Göttinger Orientforschung, II. Reihe. Bd. 2. Wiesbaden, 1980; Van Berchem M., Strzygowski J. Amida. Heidelberg, 1910; Bell G.L. The Churches and Monasteries of the Tur Abdin // Amida. Heidelberg, 1910. S. 224–261; Leroy J.L. L'état présent des monuments chrétiens du Sud-Est de la Turquie (Tur Abdin et environs) // Académie des inscriptions et belles-lettres (1968), P., 1969. P. 478–493 и др.

⁸⁶ Ter-Minasyan A.A. Armenian Early Medieval Aisleless Churches // Atti del quinto simposio internazionale di arte Armena, 1988. S. Lazzaro; Venezia, 1991. P. 249–259; Der-Kevorkian Ch. Affinités de l'architecture paleochrétienne d'Arménie et de Syrie. Erevan, 2000 (на арм. яз. с франц. резюме). Последнее исследование является наиболее полноценным сопоставлением зодчества двух стран, выводы которого во многом совпадают с нашими. Монография опубликована перед самым изданием настоящей статьи и я вынужденно не останавливаюсь на ее деталях.

тельностью многих датировок. Ни один из армянских храмов не имеет совершенно близких аналогов в зодчестве региона. То же самое можно констатировать относительно архитектурных памятников Исаурии, Каппадокии, Сирии, что свидетельствует в первую очередь о разнообразии архитектурного творчества и об отсутствии жестко устоявшихся схем даже на уровне иконографии плана. В то же время, обнаруживается удивительно много схожих черт среди построек как однотипных, так и разного типа.

1. Особенности литургического устройства храмов. Практически ничего не известно об устройстве алтаря ранней армянской церкви. Как и в Малой Азии, алтарная апсида фланкируется двумя пастофориями, идентичными по облику и оформлению, либо храм не имеет дополнительных восточных помещений. Под алтарем иногда устраивается сводчатая крипта с захоронением почитаемого мученика, что имело распространение и в Константинополе⁸⁷. В церквях Северной Сирии того времени наличие пастофориев было обязательным явлением, причем один из них был дьяконом и имел обычный дверной проем, тогда как второй, чаще всего южный, служил мартирием и открывался в пространство храма широким и высоким арочным проемом. Почти во всех рассматриваемых областях пространство храма было обычно продольно спланированным. Исключение составляет группа церквей Северо-Восточной Месопотамии, отличающихся поперечно вытянутым наосом. В Армении, как и на востоке Малой Азии, не известны амвоны посреди среднего нефа, который, будучи свободным, предоставлялся, вероятно, прихожанам. В то же время в Армении не обнаружены характерные для Сирии экседры для клира, устраиваемые в центре или в западной части среднего нефа и обращенные к алтарю⁸⁸. В Армении исключительно мало примеров прямоугольных алтарных пространств⁸⁹, тогда как прямоугольные апсиды характерны для сирийского и месопотамского зодчества. Редкой особенностью двух армянских храмов – Аштаракской и Касахской базилик – является четырехуровневый настил пола со ступенчатым повышением его с запада на восток⁹⁰. В армянской церкви Сурб Мариам в Артике (V–VI вв.) поперечные рукава крестообразной композиции снабжены с востока малыми апсидами. Подобное трехапсидное решение имеет Алахан-монастырь и Большая церковь *extra muros* (VI в.) Корикоса⁹¹. В той же киликийской базилике можно встретить распространенное в Армении (Ереруйк, Текор, Артик и памятники VII в. в Талине, Одзуне, Хневанке и др.) явление – завершение наружных боковых галерей апсидами.

2. Особенности плано-пространственной композиции. В Армении и Малой Азии одновременно существовали традиции возведения как базиликальных, так и центрально-купольных храмов. В северосирийских областях центричных построек значительно меньше, и большинство из них приходится на конец рассматриваемого периода. Крестообразность и крестово-купольность армянских церквей сравнима прежде всего с каппадокийскими храмами в Томарзе, Бузлуке у Перзека и др. В них, как и в Артике, пространственные зоны-ячейки простого крестообразного

⁸⁷ Арутюнян В.М. История... Табл. 46 (по М.М. Асратяну), 47; Mathews T. Early Churches of Constantinople. Architecture and Liturgy. Univ. Park; L., 1971. Fig. 5, 8 и др.

⁸⁸ Lassus J., Tchalenko G. Ambons syriens // Cah. Arch. 1951. T. V. P. 75–124.

⁸⁹ Асратян М. Архитектура грузинских и армянских церквей с прямоугольным внутри алтарем. Тбилиси, 1977. Нет ни одной такой церкви с точной датировкой доарабским временем. К тому же, приводимая в качестве характерного примера церковь около Сарнахпюра следует отнести к VII в., а форма ее первоначального алтаря неизвестна (Казарян А. Замечания о раннесредневековых малых центрально-купольных церквях / Науч. конф., посвящ. 90-летию акад. Р. Заряна. Тез. докладов. Ереван, 1999. С. 23–25 (на арм. яз.)).

⁹⁰ Акопян М. Церковь Циранавор Аштарак и ее основные строительные этапы // Ушардзан. Ереван, 1993. 2. С. 22–37. Черт. 1, 4 (на арм. яз.).

⁹¹ Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G. Op. cit. S. 218–221, Abb. 15; Herzfeld E., Guyer S. Meriamlik und Korikos. P. 150–154.

плана подчеркнуты резко выступающими мощными пилястрами, поддерживающими подпружные арки сводов и арки купольного куба. Текорский храм близок восточной церкви Алахан-монастыре не только распределением пространственных зон, но в большей мере пропорциями и абсолютными размерами наоса: 19×12 м (60×40 футов) в Алахане и 19×14,48 м в Текоре. Пропорции наосов армянских базилик (Ереруйка, Касаха, Аштарака и др.) стабильно имеют соотношение 1×2. Только базилика Ахца компактна и походит на структуру центричного четырехстолпного сооружения. Армянским храмам чуждо разделение на нефы аркатурами на круглых колоннах, что характерно на раннем этапе базиликам всех рассматриваемых областей. Большинству армянских базилик свойственна крестообразная форма столбов, реже встречается Т-образная. Разделение пространства столбами практиковалось и в постройках с деревянным перекрытием. Вне Армении крестообразные столбы применимы редко и только в центричных постройках Каппадокии и Месопотамии. Выступам таких столбов соответствуют пилястры на продольных стенах постройки – характерная особенность армянских базилик. Однако для базиликальных построек во всех соседних областях, где появление столбов было связано с переходом к сводчатому строительству или к желанию увеличить пролеты продольных арок, характерны квадратные или прямоугольные (Сирия) в плане столбы.

Археологические поиски в Аштараке и Ереруйке установили наличие в этих храмах повышенного освещенного среднего нефа⁹², что разрушило теорию о распространении в Армении темных сводчатых сооружений с внешним покрытием единой двускатной кровлей на подобию базилик Бинбир килисе в Малой Азии⁹³. Апсиды имеют в плане две основные формы: с подковообразным очертанием (Эчмиадзин, Текор, Касах, Аштарак, Цицернаванк, Ахц), схожим с апсидами многих каппадокийских построек, и с полукруглым, с прямо удлиненными концами, контуром (Текор, Ереруйк), имеющим аналогии в зодчестве как Сирии, так и Малой Азии. Форма пастофориев обычно прямоугольная, узко вытянутая в поперечном направлении (Эчмиадзин, Текор, Двин, Ереруйк). Эта форма вместе со структурой Текорского храма связывается Н.М. Паглазовой с композициями укороченных северосирийских базилик в Каср Серидж и Эль-Бара⁹⁴. Аналогичны и пастофории короткой базилики Диокесарии в Киликии (церковь у театра)⁹⁵. Однако эта особенность Текора и других армянских храмов, кажется, восходит к ранней базилике Двина (не позднее середины V в.) и Эчмиадзину конца IV в. Именно временем около 400 г. датируется церковь Марии в Эфесе с такими же пастофориями и со слегка выявленной снаружи апсидой⁹⁶, как в армянских образцах. С постройками Малой Азии, в частности с церковью № 32 (VI в.) Бинбир килисе, перекликается и планировка Ереруйка, имеющего отдельные западные помещения, примыкающие к углам наоса. В отличие от сирийских церквей Калб Лузе (середина V в.), Дейр Турманин (VI в.), Керратин (505/6 г.)⁹⁷ и др., с которыми обычно связывали появление армянского образца, эти помещения не представляют собой продолжений боковых нефов, что особо сказывается на разнице композиций западных фасадов.

Влияние архитектуры Северной Месопотамии на армянскую можно усматривать лишь в отдельных памятниках на сопредельных с Месопотамией территориях

⁹² См. в частности: *Акопян М.* Церковь Циранавор Аштарака...

⁹³ Приходится только сожалеть, что в таком неприглядном виде недавно отреставрирована, точнее, перестроена Касахская базилика.

⁹⁴ *Паглазова Н.М.* Архитектурные связи раннесредневековой Армении и Византии на примере Текорского храма // XVIII Международный конгресс византинистов. Резюме сообщений. М., 1991. С. 843–844.

⁹⁵ *Hild F., Hellenkemper H., Hellenkemper-Salies G.* Op. cit. S. 244. Abb. 26.

⁹⁶ *Krauthheimer R.* Early Christian... P. 80. Fig. 27.

⁹⁷ *Butler H.C.* Early Churches in Syria / Ed. and comp. by E. Baldwin Smith. Princeton, 1929. P. 71–72, 94–96, 158. III. 98, 169, 193M.

(в Тухе, Хнцоргине, Пашвацке, Огеацванке)⁹⁸. Однако распространение такого влияния на армянские зальные церкви с нишами вообще (А.М. Высоцкий) противоречит данным нового исследования Г. Коха, согласно которым месопотамские церкви первоначально имели вид удлиненной залы с деревянным перекрытием и приобрели пилоны (образовавшие ниши в продольных стенах) позднее, при перестройке в сводчатые сооружения. Планы Г. Белл не учитывали этих этапов строительства⁹⁹.

3. Пропорции и художественные особенности интерьера. Пропорции высотного построения армянских и малоазийских базиликальных храмов схожи. Они близки также балканским образцам. Основной пропорциональный строй задает апсида, соотношение высоты которой (до пяты арки) к ширине – 1×1 (в Аштараке и Ереруйке более вытянута кверху). Высота арок продольных аркатур находится чуть ниже вершины апсидной конхи. Если в византийских храмах это расстояние занимала двухъярусная аркатура (или колоннада), то в армянских базиликах – одноярусная аркатура на высоких столбах, почти достигающих капителей апсиды. При этом высота нефа сохранялась. В сирийских базиликах один ряд с круглыми колоннами определял высотное построение нефа. Чуть выше капителей этих колонн начиналась конха апсиды. Структура эта идентична армянской, но более низкие по сравнению со столбами колонны сирийских церквей привели к пониженным пропорциям апсиды и нефа. Такая пропорция стала традиционной и при переходе к широким аркатам на столбах с сохранением прежней высоты арок привела к понижению (примерно вдвое) высоты опор аркатуры. Это отличие между армянскими и сирийскими базиликами существенным образом сказалось на разнице в выразительности внутреннего пространства. Армянским храмам свойственна строгость, граненность и геометричность форм интерьера в сочетании с пластичностью и четкостью исполнения арок и сводов. Все это придает пространству храма исключительную величественность. Эти же качества свойственны и сирийским интерьерам. Однако в них благодаря понижению перекрытий усилена жесткость ритма и взаимная обусловленность архитектурных элементов. Вся пространственная структура особенно материальна и осязаема. Строительная техника сухой кладкой обусловила частую постановку подпружных арок на консолях (в армянских базиликах эти арки имеются лишь над столбами), что создает в перспективе нефа поперечную полосатость свода. Все это, в том числе и приземистость столбов, способствует усилению ощущения мощи и земной материальности. Еще более оно свойственно постройкам с обильным резным декором и богатой профилировкой не только апсидной, но и всех продольных арок. Армянским базиликам характерен спокойный, непринужденный, мерный ритм небольшого числа устремленных ввысь столбов, пластично завершаемых рядами арок. Высоко поставленный свод лишь слегка входит в рамки перспективного обозрения. Движению взгляда в продольном направлении не мешают редкие подпружные арки, намечающие лишь пространственные зоны. Этими качествами армянская базилика исключительно специфична и своей величавостью сопоставима с греческой и с монументальной архитектурой малоазийского побережья.

4. Особенности экстерьера. Внешний облик армянских храмов на редкость близок исаврийским и каппадокийским постройкам¹⁰⁰. Во многом это определено единой строительной техникой и материалом. Не меньшую роль играют пропорции объемов, такие характеристики экстерьера, как компактность композиции, лако-

⁹⁸ *Высоцкий А.М. Страны Закавказья и Иран... С. 49–50.*

⁹⁹ *Koch G. Probleme des nordmesopotamischen Kirchenbaus: die Längstonnenkirchen im Tur 'Abdin // Studien zur spätantiken und frühchristlichen Kunst. Wiesbaden, 1982. Bd. 6. S. 117 ff; Wießner G. Christliche Kulturbauten im Tur Abdin. Teil II // Göttinger Orientforschungen, II. Reihe. Bd. 4. Wiesbaden, 1982. Очевидность поздней перестройки основана не только на автономном характере пилонов, вне связи со стенами, но и на их возведении в другой, каменно-кирпичной византийской технике.*

¹⁰⁰ Общие черты этих памятников, отмечая обусловленность подобием строительной техники и декоративным убранством, указывались в литературе (*Паглазова Н.М. Указ. соч.*).

ничность общих форм и использования декоративного убранства. Значительное сходство усматривается между объемными решениями Текора, Алахана, Даг Пазари, Томарзой, и другими постройками. Визуальное сходство обусловлено четкой граненностью объемов, шипцовым завершением средних зон фасадов, степенью наклона кровель, формой и соотношениями вырастающего из средокрестия или середины композиции мощного кубовидного объема с пирамидальным покрытием. В Алахане и Даг Пазари, как и в Текоре и ряде армянских храмов, встречается редкий прием обработки почти глухих фасадов пилястрами. Еще большее сходство имеется между простыми композициями однефных зальных церквей Армении и Каппадокии. Пятигранность апсид многих церквей этих областей и Исаврии усиливает подобие между ними (церкви в Ферхатли, в Акёрен I, Апостолов в Аназарбосе¹⁰¹, Едикапулу, Тилкёй, Чардаккёй, Экси Андавал, Панагия Гёреме, Бузлук у Перзека, Кизил килисе в Сиврихисаре, Скупи, Томарза и др.)¹⁰². Другая, не менее часто встречаемая черта армянских построек – скрытость апсиды за внешним, прямоугольным в плане объемом церкви, в начале нашего столетия считавшаяся типичным вариантом армянских храмов и относимая к сирийскому влиянию, имеет аналогии как в Сирии, так и в архитектуре малоазийского побережья. В то же время в Сирии V–VI вв. возводится множество храмов с полукруглой апсидой, оформленной выразительной, чаще всего двухъярусной колоннадой¹⁰³. Возможно, связям с малоазийской архитектурой обязана разработка в Армении некоторых специфических решений. Среди них – горизонтальные профилированные пояса, проходящие по основанию апсиды или ее окон, как в Касахе (Фертахли, Акёрен I, Касталаун или Кара килисе в Эски Феке¹⁰⁴ и каппадокийские церкви в Чардаккёй и Скупи¹⁰⁵); пристенные аркатуры на сдвоенных полукронах с окнами под арками (базилика в Флабиосе (Кадирли) начала VI в.)¹⁰⁶, распространившиеся в Армении в VII в., но, возможно, имевшие ранние, одновременные с малоазийскими, примеры, спаренные бровки над окнами (на том же памятнике¹⁰⁷, на храмах Апостолов и Аназарве¹⁰⁸, Фертахли, в близких Текору вариантах – на каппадокийских памятниках). В киликийском регионе, а именно в базилике Окюзлю близ Себастии¹⁰⁹, можно обнаружить аналогию такому редкому композиционному элементу, как надапсидная аркатура на колонках, сквозь которую проникает в храм таинственный мистический свет. В Армении такое решение сохранилось в Цицернаванке¹¹⁰.

При сопоставлении фасадных композиций особый интерес представляет рассмотрение ряда памятников, объединенных пышностью оформления стен и получивших распространение в последней четверти V – первой половине VI в. во многих восточно-христианских областях. Фасады разнотипных построек, решенные в рамках этого стиля, отличаются двух или трехъярусным членением широкими полосами профилированных карнизов, пластично огибающих повернутое оконные проемы. В одном или двух ярусах стены украшают плоские пилястры. Соответственно парадно оформлены порталы. Появление именно этого стиля в Армении связывалось с

¹⁰¹ Hild F., Hellenkemper H. Kilikien und Isaurien // TIB. 1990. Bd. 5. Abb. 176 (Ferhatli), 31–34 (Akören I); Gough M. Anazarbus // AS. 1952. II. P. 116–118. Fig. 7 (план).

¹⁰² Отмеченные каппадокийские постройки см.: Restle M. Studien... 2. Plane 7–9, 12, 14–15, 16–19, 20–21, 27–29, 35–38, 39–41, 42–44 und Abb. 3, 11, 17–18, 41, 52, 110, 132, 134.

¹⁰³ Biscop J.-L., Sodini J.-P. Qalat Semân et chevets à colonnes de Syrie du Nord // Syria. 1984. 61. № 3–4. S. 267–330.

¹⁰⁴ Hild F., Hellenkemper H. Op. cit. Abb. 176, 31–34, 135.

¹⁰⁵ Restle M. Studien... 2. Plane 15, 41.

¹⁰⁶ Hild F., Hellenkemper H. Op. cit. Abb. 335.

¹⁰⁷ Ibid. Abb. 332–334.

¹⁰⁸ Gough M. Anazarbus. Fig. 8.

¹⁰⁹ Hild F., Hellenkemper H. Op. cit. 2. Abb. 322–323. S. 369.

¹¹⁰ Cuneo P. La basilique de Tsitsemnavank (Cicernavank) dans le Karabach // REArm. 1967. 4. P. 203–216. Fig. 10, 11; Асратян М.С. Цицернаванк // ИФЖ. 1980. № 2. С. 39–56.

сирийским влиянием. Однако новые исследования заставляют пересмотреть традиционные взгляды. С. Хилл считает аналогичные каппадокийские постройки (яркий образец – церковь Панагия в Томарзе) явлением, параллельным сирийскому, а происхождение обеих групп памятников относит к деятельности исаврийских строителей, активность которых в Малой Азии и антиохийском регионе отмечал К. Манго¹¹¹. М. Рестле предлагает возможность начального развития этого стиля в Каппадокии, считая прообразом римскую гробницу в Комане (первая половина или середина IV в.), а первыми образцами базилику в Кайсери (середина V в.) и крестообразные церкви в Скупи (конец V в.) и Томарзе (ок. 500 г.)¹¹². Так или иначе, каппадокийский или исаврийский импульс в развитии этого стиля в Армении представляется вполне вероятным как по причине аналогии в строительной технике, так и в связи с тем, что и Скупи, и Томарза, и Текор являются крестообразными постройками (последнее сопоставление не противоречит мнению о генетических связях Текора с Эчмиадзином). В Текоре и Томарзе применен и идентичный прием полихромного оформления фасадов путем замены цвета камня примерно с середины фасадной кладки. В этих же памятниках и в некоторых других каппадокийских постройках углы апсид оформлены плоскими пилястрами, чего нельзя встретить в Сирии. Стилистически близкие сирийские постройки (Калат Семан (ок. 470 г.), Калб Лузе (ок. середина V в.), Дейр Турманин, Рувейя) обработаны более выразительными горизонтальными лентами карнизов, резко членящими фасады, и более изощренными изгибами оконных обрамлений. Постройкам этого стиля присущи те же традиционные для сирийских базилик призматические пропорции и та же строительная техника. Многими чертами отличается от остальных стилистических родственных построек Ереруйкский храм, на фасадах которого отсутствуют резкие горизонтальные членения и значительно более существенна роль высоких, доходящих до карниза, пилястр. Экстерьеру постройки свойственна большая легкость форм и более спокойный ритм. Последние обстоятельства не позволяют связывать распространение падающего торжественного стиля в разных областях восточнохристианского региона путем миграции мастеров. Можно предположить, что в последней четверти V в. имело место распространение особой стилистической моды, поддерживаемой в Византии императорскими заказами, а в Армении – ктиторством влиятельных князей. Несмотря на то что рассмотренный стиль не получил дальнейшего развития в Армении, храмы Текора и Ереруйка оказали несомненно положительное влияние на ее зодчество. Они способствовали приданию монументальной архитектуре большей торжественности и величия, отхода от аскетическо-суровой эстетики.

5. Особенности декоративного убранства. Эта часть сопоставительного анализа нацелена на выявление лишь наиболее общих качеств и базируется на ограниченном рассмотрении форм декора. Представленный в таблицах материал, иллюстрирующий характерные примеры рельефной пластики, позволяет высказать некоторые замечания. С формальной точки зрения очевидна близость армянских образцов малоазийским и расхождения с сирийскими и месопотамскими, наблюдаемые как в прорисовке архитектурных профилей, так и в структуре рисунка крестов, аканфа. Условная схематичность, свойственная всему раннехристианскому и особенно восточному искусству, проявилась по-разному. Армянским и малоазийским образцам свойственна большая пластичность форм и линий, отсутствие большого числа острых углов и прямолинейных элементов, что создает общую ненавязчивость форм и способствует спокойному характеру декора на фасадах построек. В сирийских орна-

¹¹¹ Hill S. The Early Christian Church at Tomarza. Cappadocia. // DOP. 1975. N 29. P. 149–164; Mango C. Isaurian builders // Polychronion. Festschrift F. Dölger zum 75. Geburtstag / Ed. by P. Wirth. Heidelberg, 1966. P. 358–365. Ранее считалось особо значительным сирийское влияние в Малой Азии (в Киликии и Ликаонии) и Сирия считалась единственной областью на Востоке с доминирующим искусством (Butler H.C. Early Churches in Syria. P. 263).

¹¹² Restle M. Studien... I. S. 168–169.

ментах наблюдается некоторая композиционная усложненность, приводящая к более богатому характеру декора. Но вместе с тем ощущается исключительная жесткость рисунка, его приведение к прямолинейной геометрии (кресты), к строгой четкости форм, остроконечности их завершений. Кружевной характер орнамента создан контрастным противопоставлением гладкой внешней поверхности рельефа резко углубленному фону. Пластика выпуклая, но скорее линейная, а не объемная. Особенно это ощутимо в образцах аканфа памятников круга Калат Семана¹¹³. Часто сравниваемые, оформленные в стиле триумфальных арок обрамления апсид Ереруйка и Калб Лузе, также существенно отличаются. Если в армянском образце присутствует скромный профиль с одним рядом мелких арок, то в сирийском широкая арка оформлена многорядным активным орнаментом, что впоследствии отразилось в декорации апсид многих сирийских и месопотамских церквей.

Таким образом, предпринятая попытка сопоставления армянского зодчества с архитектурой некоторых областей восточнохристианского мира, откуда, исходя из географического положения и исторических реалий, можно ожидать наиболее важных взаимных контактов, влияющих на развитие культуры в регионе, показывает первостепенность связей с малоазийской архитектурой. Характер этих глубинных многосторонних связей, их устойчивость на протяжении IV–VI вв. указывает на развитие армянского зодчества в рамках общей раннехристианской традиции Малой Азии и Закавказья, родственной архитектурной традиции Сирии и Северной Месопотамии. Вместе с тем, отмеченные в ходе анализа многочисленные особенности армянского зодчества позволяют утверждать о существовании особой местной школы уже на ранней стадии своего развития.

Намеренно обойден вниманием вопрос о взаимоотношениях армянского зодчества со странами Закавказья. Нахождение восточногрузинских и албанских епархий в структуре армянской церкви вплоть до начала VII в. (албанских – и в последствии) определяло характер культовой архитектуры этих стран примерно так же, как, возможно, в рамках каппадокийской архитектуры решались задачи армянскими зодчими первой половины IV в. Взаимное географическое расположение этих стран в регионе также способствовало вовлечению Албании (Алуанка), Картли, Кахети и грузиноязычной части Гугарка в сферу процесса становления нового, христианского искусства, главным образом, посредством Армении. Этими обстоятельствами возможно объяснить общность (скорее единство) развития раннесредневековой архитектуры в Закавказье¹¹⁴, результатом которого стало стилистическое и типологическое подобие монументальных построек Армении, Грузии и Албании до Багратидской эпохи. Подобно тому, как греческое и сирийское влияния в раннюю грузинскую литературу проникали в значительной мере посредством армянской, аналогично должны были протекать и общекультурные процессы¹¹⁵, и взаимоотношения в архитектуре. Следовательно, изучая генетические корни раннесредневекового армянского зодчества, обращенного лицом на запад и юго-запад, необходимо в первую очередь рассматривать его связи с архитектурными явлениями вне стран Закавказья. При расширенном анализе образцы зодчества этих стран могут служить хорошими примерами подтверждения процессов, характерных для становления армянской архитектуры.

¹¹³ *Sodini J.-P.* Un type particulier d'acanthé à Qual'at Sem'an: les feuilles à limbe creusé "en cuiller" // ... P. 113–132; *Naccache A., Sodini J.-P.* Le décor architectural en Syrie byzantine // *Archeologie et histoire de la Syrie.* 1989. II. P. 477–490.

¹¹⁴ Об общности армянского, грузинского и албанского архитектурного творчества и необходимости совместного изучения зодчества этих стран см.: *Якобсон А.Л.* Взаимоотношения и взаимосвязи армянского и грузинского средневекового зодчества // *СА.* 1970. № 4. С. 41–53 и др.

¹¹⁵ "Роль Армении особенно велика в процессе христианизации народов Кавказа, в их общении с культурными ценностями Христианского Востока, в трансформации достижений новой христианской цивилизации" (*Мурадян П.М.* Кавказский культурный мир и Армения. *ARMENO-GEOGRICA* // ИФЖ. 1996. № 1–2. С. 135 (на арм. яз. с рус. резюме). См. также: *Мартirosян А.* Маштоц. С. 174 сл.

Еще более сложен вопрос о степени выделения армянского искусства за рамками византийского. Такое выделение совершенно оправдано, если видеть под византийским искусством стилистическое направление, определяемое константинопольской традицией. Но в этом случае за пределами единой традиции окажется искусство стран восточнохристианского мира, включая южную и восточную части Малой Азии. Однако подобное представление о византийском искусстве в последние десятилетия уступает место более условному и более широкому пониманию этого явления, не связываемого ни с географическими границами Византии и тем самым не совпадающему с понятием “искусство Византии”¹¹⁶, ни с греческой или какой-либо иной национальной традицией (Т. Метьюз считает византийскую школу средневековой архитектуры, подобно готической, интернациональным измерением)¹¹⁷. В этом случае рассмотрение армянского зодчества в рамках общего явления, распространенного от Италии на западе до Кавказской Албании на востоке и от Руси на севере до Северной Африки на юге, не только оправдано, но и необходимо. Однако армянское искусство, как и искусство Закавказья в целом, пожалуй, выделяется наибольшим своеобразием, причиной чему явился исключительно ранний выход этого региона из иерархического подчинения структуре Вселенской церкви. Тем не менее вовлечение Армении в широкие рамки раннехристианского и византийского искусства сохранялось и в дальнейшем, и “западное” воздействие не было одномоментным, заменившим собой в VII в. предполагаемое более раннее иранское или сирийское влияние, а являлось традиционным и важнейшим источником обогащения сложившейся уже к концу V в. собственной национальной школы. Не самоизоляция от внешнего мира, а воплощение общехристианских идей исключительно в рамках этой школы, окончательно окрепшей к началу VII столетия, определили яркий индивидуальный облик армянского зодчества. Поэтому даже заимствование некоторых черт сильной константинопольской школы, в отличие от многих других регионов, не только не приводило к проявлению особенностей столичной византийской строительной школы, но подвергалось такой серьезной переработке, что ныне с трудом удается обнаружить и проанализировать эти воздействия¹¹⁸. Открытость армянских зодчих для заимствований и черпание ими идей из широкого круга источников: от Каппадокии до Антиохии и Месопотамии в IV–VI вв. и от Палестины¹¹⁹ до Константинополя в VI–VII вв., во многом обеспечили их высочайшую творческую активность, отразившуюся в удивительном разнообразии архитектурных типов раннесредневековой эпохи, не встречаемом ни в одном другом регионе византийского и иранского миров.

¹¹⁶ *Комеч А.И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв. М., 1987. С. 6–7.

¹¹⁷ *Methews T.* Religious Organization and Church Architecture // *The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era, A.D. 843–1261* / Ed. by H.C. Evans, W.D. Wixon. N.Y., 1997. P. 27.

¹¹⁸ Отражение черт константинопольской школы путем ориентации армянских зодчих на важнейшие ее образцы, особенно на собор Св. Софии усматривается в крупнейших храмах Армении: *Thierry J.M.* Les influences byzantines sur l'art Armenien // *JÖB* 1982. Bd. 32. S. 237–242; *Ghazarian A.* Tetraconches with Corner Niches: Function and Symbolism // *Acta, 18th International Byzantine Congress. Selected Papers: Main and Communications.* Moscow, 1991. Shepherdstown, 1996. Vol. 3. P. 464–475; *Казарян А.Ю.* Копирование в средневековье и современности (На материале армянской архитектуры) // *Копирование в европейском искусстве.* М., 1998. С. 30–43).

¹¹⁹ *Казарян А.Ю.* Ротонда Воскресения и иконография раннесредневековых храмов Армении // *Восточнохристианский храм. Литургия и искусство* / Ред.-сост. А.М. Лидов. СПб., 1994. С. 107–120.